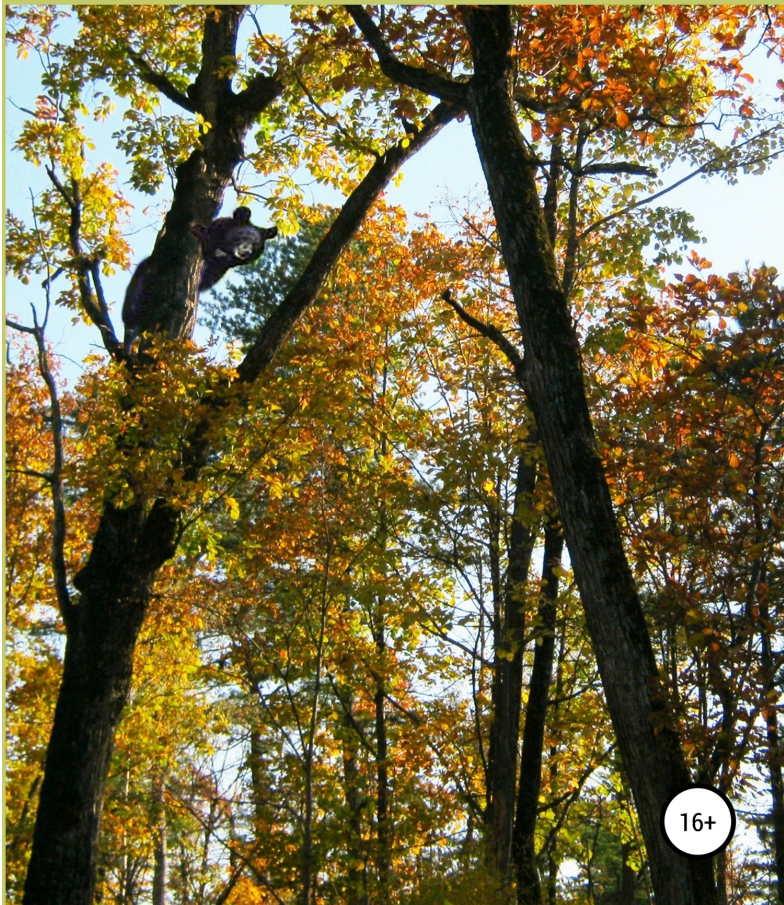


Охотничьи рассказы

П.И.Пономар



16+

Петр Ильич Пономар

Охотничьи рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51706088

SelfPub; 2020

Аннотация

Воспоминания геолога, а потом пасечника о жизни в приморской тайге. Приключения, связанные с геологической жизнью, сплав на резиновой лодке по бурной таежной реке, встречи с уссурийскими тиграми, их повадками. Работа на пасеке, где приходилось отбиваться от медведей летом, а зимой – охота на кабанов. Вся жизнь борьба и становление волевого характера.

Содержание

Тигриная охота	4
Про мишку-мальша	45
О кабанах	68
О медведях вообще	125

Тигриная охота

С 1970 года я живу на Дальнем Востоке в приморской деревне Рошино. Проработал геологом до 93-го года. Исходил десятки сапог почти по всему Приморью. Каждую зиму во время отпуска охотился на своём охотничьем участке. С 1993 года стал работать на стационарной пасеке, в 25 км от села в тайге, пчеловодом. Так что зимой охотился уже весь охотничий сезон. Никаких выдумок я не пишу. Всё это правда. Даже многие встречи, когда видел тигра мельком, я и не описываю.

В 1975 году я работал недалеко от с. Ясная Поляна. Осенью хорошо уродился жёлудь. Пошли мы с Пекуром Владимиром за барсуками. С нами было две собаки, его Дружок и моя Эльза, они хорошо работали по барсуку. Мы шли по тропе почти по девственной кедрово-широколиственной тайге. Собаки работали и на глаза почти не попадались. Вдруг смотрю: Дружок застыл на тропе метрах в 20, и передние лапы стоят на валёжине, и смотрит он в тайгу очень внимательно, будто бы хочет что-то сказать, мол, смотрите. Я тут же остановился и машинально поднял ружьё. Посмотрел в сторону, куда указывал пёс. Большой тигр поднялся с земли, посмотрел в нашу сторону и начал спокойно уходить в тайгу прочь. Володя тут же произнёс:

– Не стреляй.

Я, в общем-то, не собирался стрелять, да это невозможно было сделать, так как тигр сделал один-два шага медленно, а потом как молния полетел, причём бесшумно. Ещё пару раз мелькнув в кустах, исчез из нашего поля зрения. А я стоял ещё какое-то время, очарованный красотой и мощностью такого красавца и так рядом. Встреча была такой короткой, что описать его и рассмотреть толком не удалось. Володя предложил посмотреть место, откуда он поднялся. Мы подошли.

Собак наших не было, убежали куда-то. На земле лежало туловище барсука без головы, с шеи струйкой ещё пульсировала кровь. Володя взял барсука и начал его заматывать в целлофановый мешок. Я ему говорю:

– Зачем? Пусть останется ему, он вернётся.

– Никогда он не вернётся, это я точно знаю, я давно уже в тайге. Свою добычу он бросает легко и почти не возвращается к ней. Ещё по теплу, может, вернётся, но я даже ни от кого не слышал, а к замёрзшему точно никогда.

После я находил в тайге зимой добычу тигров – то два, то три подсвинка. А один раз даже семерых (трёх в одном месте и в километре четырёх). Съедал он, как правило, пять-шесть, до 10 килограммов мяса, остальное бросал, чем после пользовались серая ворона, вороны и орлы. Так что слова, что якобы «тигр-санитар, эколог», вызывают у меня другие мысли. Тогда меня поразило, что голова была словно отбрита и ее не было. Очевидно, он её пережёвывал и из-за этого

подпустил нас так близко.

По р. Микуле строители готовили зимник (мостки, переезды), чтобы вывезти пробы руд из партии. Строители жили в передвижном балке и тянули его по мере подготовки зимника за собой. Я решил найти подходящее дерево на лыжи. Если далеко зайду – переночую в ихнем балке.

По старым заросшим дорогам по-над речкой росло много черёмухи Маака, но найти для лыж – задача не из простых. Может, из 100 деревьев подходящего диаметра нужно выбрать такое, чтобы расколось ровно (не кручёное). Долго мне пришлось бродить по долине реки. И набрёл я на тигриную охоту.

Три убитых тигром самки изюбра лежали припорошенные снежком, который прошёл четыре дня назад. По следам его охоты я прочитал такую картину. По замёрзшей наледи ходом друг за другом шло семь изюбров. Тигр выскочил им наперерез, буквально с 30 метров, где он довольно долго лежал прямо на льду. Наледь широко там разлилась и промёрзла. Когда он рванул за ними, изюбри тоже побежали прямо, как и шли через долину р. Микулы, гуськом друг за дружкой. Возможно, по замёрзшей наледи (льду) от речки бежать быстро не получалось.

Первую (бежавшую последней) он убил сразу, обездвижил мгновенно, так как вторая успела пробежать примерно 15—20 метров. Третья лежала от второй примерно в 20—30

метрах. Далее наледь была покрыта водой и бежала речушка Микула. На мне были надеты зимние, мной сшитые обутики (улы), которые я уже промочил в наледях, и я вернулся. Похоже, что тигр тоже вернулся от воды, хотя я не совсем в этом был уверен. Следы размыло водой, и на другой берег я не хотел переходить, чтобы только посмотреть.

Вернулся он к первой убитой самке изюбря. Съел от задней (ляжки) ноги немного мяса. Повыедал внутренний жир и чего-то ещё с брюшины, прилегающей к ноге. Далее добычу бросил и ушёл куда-то в сопки отлёживаться или продолжать свой маршрут. Эту его охоту я обнаружил минимум на 4—5-й день после его охоты. Мороз был ночью сильным, и туши замёрзли. Я рассказал строителям из балка, у них сушился и ночевал, они через день сходили туда и добычу перетаскали себе. Так что было минимум пять свидетелей. Конечно, в тайге ничего не пропадает зря. Почти все её обитатели всеядны: колонки, норки, соболя, еноты и другие. Даже белки, не говоря уже о мышах – кормилицах всех. А вот воронью я бы не позволял жиреть. Подкармливать не грех, а жиреть нельзя. Все должны добывать хлеб насущный в поте лица своего. Многие из них хитры и умны. Начинают летать за тигром, волками, кабанами и пр. По их крикам я часто определяю – вот летят на пир, эти сопровождают зверя, эти орут на людей в тайге, а вот и хищник – будь бдительней, берегись. Пекур Володя мог их и подзывать, и прогонять голосом, а я только слушать и понимать, да и то не всё.

Кабаны

Уж очень был красив тот тигр, что встретился нам на охоте на кабанов, – картинка. Да и не скоро такое зрелище можно будет увидеть другим.

В 1975 году, осенью, я работал на рудопроявлении Идинггу. База у нас стояла на р. Белогорке. А участок – под самой сопкой Идинггу. Возле базы в трёх метрах от склада проходила дорожка. По ней-то с определённой регулярностью проходил тигр. У нас на базе было две собаки, но тигр на них особо не покушался. Потому как зверя там в ту пору было довольно много. Я убивал зверя только по необходимости на пропитание. Так мы там жили и работали до самого снега. Наконец, полевые работы были закончены. Мы собрались все на базу и готовы были уезжать в Роцино, ждали наших машин. Кочкин был начальником моего участка. Он предложил, чтобы я добыл мяса домой.

Мы со своим напарником по охоте в партии, Пекуром Владимиром, решили, завтра пойдём. Утром встали пораньше, и вот он – первый хороший, пушистый снежок – сантиметров 15 выпал ночью, с морозцем. Для истинного охотника это огромная радость. Душа запела – солнышко и снежок, этого не передашь словами. Мы пошли прямо от базы вниз по долине речки. Не прошли и километра, как нам встретился свежий след огромного секача. Я подумал, что сам Бог даёт такую добычу. И мы решили идти за ним, пока он не

остановится на кормёжку. Он повёл на левый борт ключа, по следам я понял, что он не пуган, но питанием не интересуется, а делает разведку или ищет стадо. В общем водил он нас примерно до часу дня. Взяв один ключ, он его вывершил, пересёк перевал, спустился по борту другого почти на ту же высоту, с какой начинал.

Склон сопки разбит террасами, спуск градусов под 30, терраса метров 20—25, опять спуск – обрыв... И вот мы выходим к последней террасе, и перед нами открывается вся плоская долина шириной метров 300. Потому как лес был не рубленный, вершины могучих кедров, дубов, лип, ореха маньчжурского, бархата в долине смыкаются кронами выше нас, подлеска нет, и всё видно далеко, как на ладони. И всё, что мы видим, чёрно-белое от чушек, снега, редкие лучи солнца просвечивают эту картину. А чушек пасётся вразброд не менее 100. Там матка с поросятами до десятка, чуть в сторонке другой прайд, секачи и чушки-прошлогодки, всё кишит и движется вверх по ключу. Мы подходим по террасе уже ближе к хвосту этого большого табуна – сплошной шум, взвизги, треск и хрюканье, как будто рядом шумит река.

Я сразу оторопел от такого зрелища, ещё никогда не видел такого, глаз ищет того секача, за которым мы шли, но его не видно. А ниже по ключу, от чушек метрах в 70 лежит на брюхе с приподнятой головой тигр, «пастух стада». Рыжим пятном и солнцем подсвеченный, выделяется сверху красавец. Тогда я ещё не знал, что таких секачей стрелять нель-

зя, это защита стада. Они более 200 кг веса, против тигра становятся мордами, и не дают напасть на мелочь, отбив от стада. Мы минуты две ошарашенно любовались этой картиной, я даже попытался подсчитывать, сколько их, часть чушек была под обрывом – мы стали потихоньку подходить к нему, но тут неожиданно, немного справа от нас из-под обрыва вышли две чушки и пошли друг за другом. Я шепнул тихонько Володе, он стоял немного справа от меня:

– Моя первая.

Они тут же замерли, и я медленно начал поднимать ружьё. Боковым зрением я контролировал его готовность к выстрелу, и всё-таки он немного опоздал, и это дало возможность его чушке уйти без царапины. Володя никак не мог в это поверить. Мгновенно вся долина пришла в движение, и куда всё делось, исчезло как во сне.

Володя меня спросил:

– А ты тигра-то видел?

– Видел, конечно.

– А мне такой никогда не встречался.

Моя чушка оказалась очень жирной. Сало было на ней минимум в 2 с половиной пальца. Урожай был тогда сильный жёлудя и кедра, под ногами почти везде рос хвощ. Да и когда лес стоял не рубленый, дуб и орех рождали почти каждое лето.

Машину нам пришлось тогда ждать ещё трое суток. В первую же ночь, ниже от нас метров в 300, всю ночь кто-то стрелял из ружей, видно, разных калибров.

Во вторую ночь всё началось опять с выстрелов. Так началась и третья ночь. Утром к нам в лагерь пришли три человека. Вид у них был сильно уставший, напуганный и вообще неважный.

После разговора выяснилось, все трое недавно освободились из заключения, ехать им некуда и, поскольку один из них вроде неплохо знает охотничий промысел, то заключили договор с промхозом на период охоты. Где-то в деревне взяли собаку. Их подвезли сюда со всем необходимым, и они строят охотничью избушку. Собаку кладут между спальников и сами ложатся спать на недостроенном срубе. Но с наступлением темноты подходит тигр, и отогнать его не могут выстрелами. И страшно, подходит почти под самый сруб. И патроны уже закончились, взятые в долг на сезон. В общем, они собрались выезжать в контору (вроде в Малиново). Я посмотрел на этого пса и сказал им:

– Зачем вам такая собака? Я собак понимаю – с неё никакого толку в охоте не будет. Тигр подходит за ней, а не за вами, так что лучше сами её съешьте, чем он.

Им, конечно, было жалко собаку, и они не понимали, что в тайге другие законы и что тигр – хозяин, его нужно уважать, а не пугать. Всё равно он не отстанет и не даст им охотничать, пока она будет с ними. Я им отдал оставшийся порох и часть боеприпасов.

Потом к нам пришла машина «Урал». И мы, выезжая, подобрали и их в кузов.

Случай на охоте

Был случай, когда тигр не бросил добычу. Произошло это на моём охот участке в кл. Еловка.

Шли мы с С. Щербанем на его палатку на северный перевал, напилить к ней дров. Он попросил – помоги. Сергей шёл метров в пяти впереди. Я тащил пилу («Дружба») и всё необходимое к ней.

И вдруг нас остановил звук – короткое трубное рычание, но мурашки сразу побежали по моей спине. Мы замерли, стоим. Он спросил меня шёпотом:

– Что это за зверь, я такого звука ещё не слышал?

– Не понял, давай подкрадёмся потихоньку, посмотрим. У нас же ружья на всякий случай, чудес не бывает, интересно и мне посмотреть.

Осторожно переступая, мы прошли метров по 10. Звук (рык) повторился, да так, что мурашки страха побежали по спине ещё сильнее. Я снял рюкзак, прошептал Сергею, чтобы оставался на месте, а сам приготовил ружьё в боевое положение, попытался ещё подойти поближе к источнику такого звука. Я подкрался ещё метров на пять к какой-то полусгнившей валёжине, звук, рык опять повторился. Я привстал на валёжину и давай внимательно рассматривать всё подозрительное. Вскоре я увидел голову тигра, часть спины. Что-то тёмное лежало у него перед мордой.

Он смотрел прямо на меня. Расстояние между нами было

не более 80 метров, из-за кустарника было плохо видно, но мы изучали друг друга. Он лежал на животе, издал ещё одно предупреждение, мол, моя добыча и тебе так просто не отдам, и я не замедлил ретироваться к Щербаню так же беззвучно, только отступал задом.

– Что там? – прошептал он бледный.

– Тигр с добычей, давай обойдём стороной.

Мы крадучись обошли удачливого охотника.

Он ещё пару раз напоминал о себе тем же звуком, находясь на том же месте. И это меня успокаивало, что не идёт за нами.

Через три дня мы возвращались тем же маршрутом обратно. Зашли посмотреть, что он там делал. На месте мы увидели остатки съеденного кабанчика. Очевидно, мы подошли, когда он увлёкся едой, и никак не хотел делиться своей добычей, зато предупредил, это тоже редкость. А может, и не совсем редкость.

«Мой» тигр на пасеке

Лет 6—7 назад тигр всегда проходил регулярно возле пасеки по дороге. Это началось, наверное, с 1993 года. В тот год я добирался до пасеки по трассе на велосипеде. Возле зимника велик прятал в кустах, дальше шёл пешком по ключу Восьмому до перевала и вниз уже по ключу Белому до пасеки (два с половиной часа пешком с хорошим рюкзаком или три, зависело от дождей и настроения). А весь путь –

четыре с половиной часа. Так вот выйду домой, побуду дома дня 3—4 и опять на пасеку. Всего-то 25 километров на работу. 10 км на велике, а остальное пешочком. Сейчас, конечно же, никто не поверит, чтобы человек на работу за 25 км ходил пешком, но это было у меня несколько лет. А иногда и без велика. Иду и смотрю: по моим следам примерно в то же время, то есть за мной, прошёл тигр. Я думал, это просто совпадение. Но однажды встретил знакомых рыбаков с с. Ханихеза. Они удивились:

– Так ты жив?

Оказывается, в прошлый раз они также выходили за мной следом с рыбалки. Вышли позже и меня настигали. На дороге были мои свежие следы и совсем свежие следы тигра. И где-то на ровном участке дороги они увидели метров за 300 впереди мою спину. А между мной и ними шёл по моим следам тигр. Они и застыли, сели покурили. Это было недалеко от перевала.

Мы, говорят, перевал перешли, но страшно было идти следом и мы пошли по летней дороге. Хоть и длиннее путь, зато от беды подальше. Думали, он тебя съел, иначе зачем бы он шёл за тобой в 100—150 метрах. Я тут же пошутил:

– Да что это вы говорите, это же «мой» ручной тигр. Вырос у меня на пасеке, живёт сейчас полувольно, но ко мне приходит. И ходит за мной как пёс. Меня не трогает, а охраняет. Про вас не ручаюсь. Может и поесть.

– А мы все гадали – почему у вас собак нет на пасеке.

– А зачем попу гармонь, если у него есть кадило? Вам в головы не приходило? Возможно, они шутку приняли всерьёз, а может, так совпало, но года три я их потом не встречал. Хотя до этого они часто рыбачили по речке и выходили по той же зимней дороге, что и я. Так что я знал по следам, когда пришли и когда ушли.

Новый хозяин

Года три назад мимо пасеки, примерно дня через четыре регулярно, по вечерам, проходил тигр. Метров за 500, я начинал слышать его рык. Издаст свой рык, и потом тишина. Потом повторит уже гораздо ближе, то есть пройдёт тихо примерно метров 100 и опять горланит. Не доходя до пасеки метров 200, сделает метку на дороге. Потом повернёт по дороге под сопкой и уходит вверх по ключу Белому. Так было в течение месяца. Возможно, он хотел объяснить мне, что это его территория и он не собирается ни с кем её делить, здесь он полный хозяин. Закончилось это так.

Я ушёл с пасеки домой за продуктами. Он явился в моё отсутствие, сделал метку, как всегда, метрах в 100 от пасеки. Затем видно, решил показать мне, не разумеющему, всё конкретнее. Он вышел на поляну, до самого дома не дошёл 25 метров, там сильно погрёб землю. Сделал метку, помочился и оправился, нагрёб кучку травы. Лежал, ожидал меня. Потом, когда отходил к своей постоянной первой метке, грёб землю почти через 5—10 метров. Я так понял, что он объявил мне ультиматум, вызов. Стал носить с собой ружьё.

Но после этого раза я не видел его следов, звуков и меток. Не знаю, чем бы могли закончиться наши с ним споры за территорию. Вернее всего, он погиб где-то. Позже мне один охотник рассказал, что его приятель поймал тигра в петлю с большим капканом, возле ЛЭП была метка на столбе. Они всё время свои метки обновляют, оставляют свой запах. И всегда подходят к чужим меткам. Это примерно в 10—12 км от пасеки. Думаю, это и был он. И я опять бросил носить с собой ружьё.

Любопытство

А любопытство в тигре всегда имеется, при любой встрече с человеком он сперва скроется, а потом подойдет и осмотрит следы, или сразу, или если уловит ещё запах.

Так, один опытный охотник рассказывал случай. Давно это было, крался он по сопочке по первому снежку, высматривал кабанов, карабин был в руках, взведён и снят с предохранителя. Смотрел влево, вправо, весь во внимании, скрадывал удачу. Вдруг услышал вроде лёгкий шелест с левой стороны и одновременно почувствовал, как кто-то дёрнул его за левый сапог. Повернулся вместе с карабином налево. И вот он, стоит красавец-тигр в полуметре и смотрит игриво. Мол, давай беги, а я буду тебя догонять, как кошка мышку.

Карабин не подвёл, выстрел был в упор в лоб. Оказался молодой тигр, но уже большой. Голяшку сапога болотного

он пропорол тремя когтями как бритвами. Похоже, это было чистое любопытство. Человека он не очень-то боится, а посмотреть, чего он ходит по его угодьям, это тигр сделает всегда. А если у человека, отдельно живущего от людей, живут собаки, то им конец. Будет три дня лежать в 30 метрах, подкараулит и выкрадет. Стоит ему только встретить их запах.

Уж это я и сам наблюдал, на пасеке в ключе Барыбкином. И много слышал рассказов.

У Алпатова на Чёрной речке тигр раз шесть выкрадывал собак с пасеки. Он их перестал, как и я, заводить.

На пасеке С. Кириенко

Как-то еду на свою пасеку, на ЛУАЗе, году примерно в 2000-м, мимо пасеки С. Кириенко. Смотрю, а он через дорогу с топором перебегает. Я остановился, он что-то орёт в кусты. Бледен и одержим яростью. Выхожу из машины, смотрю, лежит большой жёлтый пёс. Тигр его бросил от крика или погони Кириенко. Схватил, говорит, на моих глазах возле улья. Он что-то как раз тесал и погнался за ним с топором.

– Пёс, наверное, живой, пойдём посмотрим? Он даже не взвизгнул, а я погнался за тигром. Догнал, зарубил бы гада среди бела дня, вот пакость такая.

Я осмотрел пса. Ещё шли по мышцам судороги, он был большой, необычных размеров, и уже мёртвый. Две небольшие дырочки примерно в 12 сантиметрах одна от другой были в его шее.

– Надо же, мёртв, так хорошо отгонял медведей от пасеки, а эта тварь поймала его, как кот мышку, на моих глазах. Мгновение и всё, я заорал и побежал к нему. Думал, успел отогнать, а он мёртв...

Охота за псом

Как тигр уничтожает собак, мне довелось видеть на ключе Барыбкином, не сам процесс, а его последствия.

Стояла моя пасека там вместе с А. Собченко и его тестем, В. Баратынским.

Анатолий привёз собаку, лайку, и привязал её на цепь с кольцом и проволокой-«шестёркой». Так, чтобы собака по проволоке на 5-метровой цепи бегала от будки через дорогу. Как-то зашёл я за ульи в кусты, смотрю, а там лёжка тигра. Рядом другая, и видно, долго лежал и выслеживал он собаку. Не одни сутки провёл он в ожидании подловить пса, не под будкой, в которой мы жили, а когда он хоть немного отойдёт от неё. Эти зарисовки я и показал Анатолию, но в тот вечер он не забрал пса домой. А в следующий раз приехали, собака исчезла и проволока была порвана, и цепи нету. А 6-мм проволоку порвать, нужно усилие больше тонны.

Встречи с тигром на охоте

Редко этот зверь попадает на глаза охотнику, но две встречи у меня было.

Примерно в 1977 году я и Сергей Щербань взяли отпуска

и собрались заезжать на участок ключа Еловка на охоту.

Собрал я всё необходимое для охоты в два рюкзака и жду Серёгу. Придёт, обговорим как заезжать. А он неожиданно подъезжает на УАЗе («санитарка»).

– Меня завозят, а ты поедешь сам на мотоцикле к чернореченскому мосту. А там пешком добираться, а чтобы легче было идти, давай рюкзаки быстрее, мы их подвезём до самой тропы, на дороге бросим, там уже переносишь в барак. Я всё продумал, машина ждёт, торопись.

Я отдал рюкзаки, только забыл отдать принаду (рыбьи кишки, головы – в небольшом мешке, килограммов 8—10). А самое главное, забыл выложить из рюкзака и взять с собой патроны. Взял я двух собак, опытного Кучума и шестимесячную сучонку, ружьё, принаду и поехал на мотоцикле.

Возле чернореченского моста оставил мотоцикл и пошёл пешком остальные 7 км. На ключе Пановом, метров 300 не доходя до пасеки смотрю, что-то мои собаки прижались ко мне и идут тихо, будто крадутся к чему-то. Идут по правому кювету, а я по дороге. Что-то я заподозрил, но ничего не понял, иду дальше. На левом плече у меня лежал надоевший мне рудный мешок с протухшими кишками рыбы, а на правом висело ружьё – «двадцатка» двустволка. Смотрю на дорогу и вдруг метрах в 35 на дорогу приземляется с полёта тигр. Летел с левого кювета и тут же замер. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Первая моя мысль была: не останавливайся, иди. Я продолжал идти к нему, только

снял ружьё с плеча и взял его в правую руку. Вторая мысль: если кинется, запихаю стволы в пасть, без патронов «защита» крутая. Он не испугался, начал идти вперёд по дороге, а голову повернул в мою сторону. Так мы изучали друг друга и шли. Прошли молча метров 15. Наконец он не выдержал и прыгнул вперёд, потом в правый кювет. К кювету подошла борозда от плуга (прошлой весной сажали сосну под трактор, глупость, конечно, после она вся пропала), далее он вообще полетел по этой борозде. Его ног глаза почти не фиксируют, как птица трясогузка летит волнообразно, так и он, молния и пружина, по-другому и не скажешь. Пробежал он метров 70 и мгновенно прилип к земле под 90 градусов своему бегу, секунду смотрел на меня, потом ещё пару прыжков по борозде и исчез в кустах. Я дошёл до того места, где он спрыгнул с дороги, остановился и внимательно рассмотрел след. Ширина пятки была примерно 12—13 см. Тигр был небольшой, но и не молодой. Может, это была тигрица. Шерсть на нём не лоснилась, а он когда рвал (убегал, значит), шерсть вздыбил. Я продолжил путь, но часто оглядывался, вдруг он пойдёт за мной, чтобы не застал меня врасплох. Знал я, что китайцы надевают на голову маски глазами на затылок, чтобы тигр не напал сзади.

Подхожу к барачку, а возле него 7 собак. Гость у нас, охотник, со своим свояком и Щербань. Оказывается, они решили заехать на недельку, набить чушек. Ну а потом оставить нас со Щербанем охотиться по пушнине. Начинало темнеть

и немного посыпал снежок. Чай у них уже был готов, и они меня поджидали. Я давай рассказывать о своей встрече с тигром. Приезжий охотник начал играть «бывалого», не поверил и давай меня подкалывать. Я, конечно, обижаться стал, что не верят, да ещё и насмеваются. Мужики поддакивают, хохочут. Всё, что говорили, не вспомнить.

– Что, след 13 см, пятка. А не меньше 20 не хотел?

– А я вот видел другой след, и крупнее, шапкой не прироешь. То в котка такой следок, 13 см.

– Да ладно тебе, брось врать. Я, конечно же, тебя понимаю. Ты и охотишься без году неделя. В тайге без патронов, бывает, и мышшь покажется тигром.

– Накроем стол да отметим начало охотничьего сезона. Забудь, мы никому не расскажем, что ты нам заливал про тигра.

Мы только пропустили по рюмке, вдруг вся эта свора как подняли лай. Я и говорю:

– Ну вот, пришла следом.

– Да брось ты и вспоминать. Собаки – сброд, выясняют свои отношения, ещё и передерутся, посмотришь сейчас, будут выяснять, кто кому подчиняться должен.

Но рёв и гвалт псов не утихал, и мы не могли спокойно продолжать отмечать. «Бывалый» взял карабин на правое плечо, фонарик в правую руку и вышел с барачка. Пошёл он по тропе к ключу. Но ни одна собака с ним не пошла. Он дошёл до водопоя, везде посветил, но собаки начали лаять в

другую сторону, он вернулся, собаки стихли. Мы продолжили, надо мной ещё раз посмеялись. Но я уже не обижался и подыгрывал общему смеху и настроению. Хотя псы подтвердили мою мысль, что тигр пришёл вслед за мной.

Утром решено было мне оставаться охотиться со своими собаками в этом бараке, а они пойдут с охотой на верхний барак. А дня через 3—4 чтобы я пришёл тоже к ним. Но когда утром «бывалый» пошёл за водой, то пришёл обескуражен и немного напуган, отводя глаза от меня.

– Надо же, паскуда, лежала метров в семи от валёжины, с которой черпаем воду. Подпустила так близко, я подходил вчера к ней, и не поверишь, да следы не сотрёшь, можете проверить сами.

Был у него на лице испуг и неловкость за вчерашнее поведение. И, конечно, никаких извинений ко мне за вчерашнее красноречие.

В общем, на третий день к вечеру я пришёл к ним в верхний барак, а мог, конечно бы, и на четвёртый по нечёткому договору. Но вовремя, они в этот день уже не ходили на охоту, ждали моего прихода, чтобы я их вывез домой на мотоцикле, брошенном возле моста.

– А куда идти? Собак осталось две и те сильно ранены, дойдут до мотоцикла и то хорошо, а то нести придётся.

Собаки ранены были секачом, а тех пятерых утащила тигрица. Она в то утро, когда расходились, сразу же отправилась за сворой и испортила им охоту.

Так они, ничего не добыв, выехали со мной на мотоцикле. Щербань остался в бараке с моими собаками. «Бывалый» опытного охотника уже не играл и перед своим свояком. Был испуган и принижен, и отводил взгляд от меня. Увези нас, пожалуйста, отсель.

Я к тому времени видел следы всего трёх тигров и охотился на собственном участке пару годков, не более. Нужно отметить, что и до сего дня я не встречал следы тигров с пяткой более 15 сантиметров, хотя видел следы тигров по 2—3 ежегодно.

Могиканин

Но однажды, примерно в 1995 году, в вершине ключа Жёлтая речка я встретил гигантский след, довольно свежий. Почти под Новый год. Я шёл по капканной тропе. Ещё изда- лека увидел порушенный снег, след от какого-то зверя. Он подходил косиной к моему путику. Наверное, крупный се- кач, отметил я про себя, и, похоже, свежий след. Зверь подо- шёл к тропе и не останавливаясь пересёк её, не обращая ни- какого внимания на тропу, что в общем-то редкость. Первое, что я подумал: бурый медведь-шатун, след свежий, не лёг спать или кто-то поднял его из берлоги. Вот это да, нелёгкая припёрлась, поберегись, Петро. Как будем расходиться? Он где-то рядом в ельнике, к которому и шла моя тропка, через пойму ключика. Ружьё машинально оказалось в правой руке. Адреналин сильно пошёл по телу. В голове мысль: если это шатун и на капканной тропе, значит, нам всё равно встречи

не избежать. Но крупный, страшен, мурашки по спине. Уже такое было. Хоть неделю будет ходить по тропе (капканам) и меня выслеживать. А сейчас – след свежий и ветерок боковой, стабилен, не выдаст меня. Я заменил во втором стволе картечь на пулю.

Что, очередное испытание? Гляди, Петро, в оба. Отступать не будем... След немного прошёл рядом с тропой, а после вышел опять на тропу. Я зорко отслеживал всё вокруг, и мне было не до замеров и определений. Я крался тихо вперёд, делая остановки после 2—3 шажков, крался как кот к мышке, только машинально отметил: ветерок боковой, не услышит зверь мой запах, берегись, но и не бойся.

Наконец-то следы слева опять вышли на тропу. Тут-то я внимательней рассмотрел, что это тигр, ну очень крупный самец. Снег глубокий, примерно 50—60 см, а борозды почти и нет. И след от следа с хорошим разрывом. Брюхом тоже нигде не коснулся. Самому себе не верилось, крупный – такого ещё не видел. Я ещё раз потрогал след и успокоился. След оставлен тигром минимум 2 часа назад. Я хорошо умею читать следы, ошибаюсь минут на 10. Но достать спичечный коробок и измерять след (пятку) мне не хотелось, возбуждение и инстинкт самосохранения ещё не проходили. Надеялся только на себя и ружьё.

Я охотился уже несколько зим один. Напарники уехали с Приморья, а двое уже и померли.

На второй день (под Новый год) я выехал с участка домой.

Случайно разговорился с знакомым Николаем. Глаза у него вспыхнули огнем.

– Да я видел этого гиганта, тигрище, это он был, 100% он. Больше таких в Приморье нету. Я тоже встретил это чудо впервые, до этого всё мелочь.

Он рассказывал и с чем-то сравнивал его размеры, но я не запомнил, не буду врать. Я посчитал дни, примерно и получилось, что в следующую ночь он им и встретился. У меня мелькнула мысль: может, тогда на Еловке и не совсем врал «бывалый». Ведь он постарше меня лет на 10—15. Может, раньше таких тигров было гораздо больше. И до этого ему и попадались следы такие. Ведь они растут до самой старости. А нам и встретился последний могиканин. Николай рассказывал:

– Мы ехали с Красильниковым с охоты к Новому году, вечером домой по р. Синанче и встретили его прямо на дороге, с поворота. Ты мне не поверишь, каких он размеров. Мы сразу не поверили, что это тигр. Но видели метров в 30—35, я от неожиданности затормозил так, что и машина заглохла, хорошо, в кювет не занесло, буртик плотного снега спас. А он стал и стоит, смотрит на нас. А ружья в багажнике и захелены. Мы и обомлели, тоже мурашки по телу. Красильников не даст соврать. Пока он не сошёл с дороги, мы сидели рты разинув.

Славы

Работал я в Береговой партии. Партия была большая, ста-

ционарная. Стояла в километре вверх по ключу Голубому, который впадает в реку Арму. Сообщение с партией летом было только вертолётom Ми-4. Вертолёт летал по погоде и заявкам, но к концу месяца каждый хотел попасть домой к семье хотя бы на 3—4 дня.

В это время вывозили наряды выполненных работ и была передышка в работе. Вылететь домой было трудно. Вертолёт брал на борт 8—10 человек, а очередь была всегда человек 15—20. Всегда находились срочники, больные и начальство, вывозившее отчётность, наряды и т. д. После очередной неудачи улететь геолог Земнухов пошутил:

– Кто не улетел, плыви на резиновой лодке.

– А что, можно отсюда доплыть?

– Да, всего лишь каких-нибудь 180—200 километров, ну подумаешь, перекааты, камни и «труба» 30 км, все её боятся, там Коля Иванов на бате, говорят, 6 научных утопил, сам выплыл, а из них никто. А так Арму впадает в Иман, на его правом берегу деревня Дальний Кут. К нему подвесной канатный переход, к которому утром и вечером подходит автобус. А ниже по течению Вострецово и Рощино.

– Хочешь, карту покажу?

– Ладно, давай.

Посмотрел карту я, сказал, что да, доплыть можно, конечно, но ведь и лодки-то нет.

– Да есть у меня лодочка, маленькая только, на 200 килограмм грузоподъёмности, и борта невысокие. И дно не на-

дувное, возможно, будет заливать волной, но одного хорошо удержит.

– Ну, тогда давай.

– Ты, что ли, поплывёшь?

– Конечно, раз вы отпускаете и даёте лодку.

– А как же «труба»? Говорят, она не проходная, там столько больших валунов и течение, да я пошутил.

– Нет уж, назад хода нет, сказал значит сказал. Давай свои плавсредства.

– Да там ещё туристы на плотах пару раз гибли, ты что, того, я пошутил.

– А я не шучу, домой хочу, детей хоть повидать и жену.

В общем, я срочно начал собираться в неизведанный путь. Видно, вскоре все уже знали, что я решил плыть. Ко мне подошёл каротажник Сашка Антипов. Он был немного выпивший.

– Да ты, что, точно можешь управлять лодкой?

– Конечно, у меня дома два челна было у отца. В них не каждый мог усидеть, не то чтобы плавать, а я на них Десну переплывал и дружка перевозил. А ширина Десны у нас не менее 100 метров. А то и все 150. А тут резиновая лодка, такая устойчивая, и чего ей разбиваться о скалы, там воздух.

– А продырявят камни?

– А у меня клей есть.

– А меня возмёшь? Мне тоже домой надо.

– Если сильно хочешь, собирайся, в нас наберётся ну 170

кг, а лодчонка-то на 200.

– Да у меня всё собрано, только поесть с собой взять. Я на тебя надеюсь, я управлять не могу, ни разу на резинке не плавал.

Я тоже ни разу не ходил на резинках и немного побаивался, а тут всё-таки напарник, живой человек. И я, конечно, ему ничего не сказал о своём опыте и о знании реки. Он только спросил:

– А ты слышал про «трубу» и гибель людей?

– Конечно, слышал.

– Тогда я с тобой, я мигом соберусь.

В общем, мы отчалили. Дно у этой лодчонки было не надувное. Так что рюкзаки выдавливали прогибы дна. Когда отчалили, закрапал морозящий дождик.

И, конечно, на первом перекате у нас в лодке появилась вода от волны и продырявленного дна гребенкой алевролитов. Сашка уже набрался страха, видя, как я еле отворачивал лодку от камней.

– А говорил, я могу, – упрекал он меня, – знал бы, не поехал.

– Да ты не дрейфь.

– Да мне плевать, я не трус.

Он достал бутылку, «догнался».

– Вези куда хошь. Смотри, что будем делать? Хлеб весь намок, раскис. Да ладно, ещё лучше закусывать.

Клеим лодку. На дно стелим три жерди, их закрепляем

ремя-четырьмя поперечными палками, чтобы они держали форму дна и не прогибались от рюкзаков и ног.

Я разжёл костер на дожде, заклеил дырочки, и он не разочаровался в моём авторитете. Под зады нашёл дощечки, которые положили на баллоны лодки. Теперь волна через лодку, проходящая на пояс, налетала редко. Кроме того, я вырубил шесток, и наша лодчонка пошла увереннее. В общем, приключений было много. На перекатах волна залетала в лодку, проходила по нашим ногам и поясам и вылетала за борт. Но Сашка не роптал, только говорил, что вода холодновата, мать её за ногу, «догонялся» водкой и перестал реагировать на валуны и скалы.

– Я на тебя надеюсь, Петруха, мы доплывём, конечно.

К ночи мы дошли до охотничьего барачка на левом берегу реки, на устье ключа Мирного. Обсушились, переспали в тепле. Утром дождь продолжался, вода поднялась и скорость течения резко поднялась. Мы продолжили свой путь, водка у Сашки ещё оставалась, и это его примирило с волной и мокротой с неба. Приключений было много, но я не боялся, и мы уверенно пролетали между камней и огромных отполированных валунов в так называемой «трубе». В одном месте видели на берегу остатки плота.

На нём был шест с надписью на прибитой дощечке «Мы победим тебя, Арму».

Пару раз отталкивались от скал, под которые вода несла нас с крутого переката и под скалы, нависшие гротом или

пещерой. Резинке это не страшно, а моторку бы раздавило точно.

Это и были, очевидно, те гиблые места.

К вечеру увидели барачек на высоком правом берегу реки. У Сашки уже закончилась водка, и он дрожал от холода. Я всё время работал шестом, поэтому, хотя и мокрый до нитки, всё же я мёрз не так, как он. Нужно было под крышу, сушиться и отдыхать. И тут к нам подошли три моторные лодки с рыбаками с нашей экспедиции. Они приехали на рыбалку от подвесного моста. Мы переночевали в этом барачке Черепанова.

А утром одна из лодок возвращалась в Дальний Кут и подбросила нас к автобусу. После этого барачка речка уже не опасна. Вскоре Арму впадает в Иман и течение резко замедляется. Ветер начинает дуть всё время против течения, и лодка с трудом преодолевает расстояния. Так был разведан и испытан путь с Береговой партии по воде на резиновой лодке в 1976 году.

С тех пор я довольно часто его использовал, чтобы попасть домой. Немногие его повторили уже на хороших лодках с надувным дном, большими баллонами, большой грузоподъёмности и в основном в качестве отдыха и рыбалки.

Я после уже на хорошей лодке прошёл в качестве отдыха от п. Таёжка по реке Лагерной, которая впадает в Нанцу. По Нанце в р. Арму и до Дальнего Кута.

На реке Нанца хороший водопад и несколько крутых пе-

рекатов, где вода бежит примерно градусов 15 вниз и лодкой там управлять невозможно, летит она и скачет по камням, сама выбирая путь.

Чтобы быстрее добраться до автобуса, плыть приходилось иногда и ночью. Изучил, где находятся почти все охотничьи барачки возле речки, и саму речку.

Страшно ли мне было? Однозначно, нет.

В опасные моменты я концентрирую всё внимание, становлюсь собраннее и сильнее. Видно, много выбрасывается адреналина в кровь, и я чувствую себя уверенно. Мне кажется, что каждому мужику хочется постоянно чувствовать себя настоящим мужчиной (типа), а я могу и подтверждать это.

Высоцкий сказал в песне: **«Вот это для мужчин, рюкзак и ледоруб, и нет таких причин, чтоб не вступать в игру».**

То есть адреналин должен вырабатываться и поступать в кровь иногда.

Древние требовали от руководства (хлеба и зрелищ). И для этого народу устраивали бои гладиаторов. Иногда повторялись гладиаторами и рабами целые удачные сражения. Перед зрителями гибло несколько тысяч людей только для того, чтобы у зрителей выделялся адреналин. Кто и сегодня устраивает корриду, бои боксёров, футбол и хоккей. А ведь и футбол начинался с того, что гоняли отрубленную голову общего врага.

И сейчас в Испании устраивают день, когда выгоняют

разъярённых быков на улицу и прогоняют по всему городу. А смельчаки выбегают перед быками. Конечно, есть раненые и затоптанные насмерть. Но это всё-таки лучше, чем погибнуть от водки или простуд. Или гонять по городу с огромной скоростью на автомобиле. Прыжки с парашюта или охота на опасных животных. При любимой работе у трудоголиков тоже выделяется адреналин и человек способен работать помногу. Важно себя испытывать и подтверждать. В той же песне слова Высоцкого: «**Кто не рисковал, тот сам себя не испытал**». Хорошо также любимая работа и секс. И если у человека адреналин выделяется, он способен на многое без ущерба своему здоровью. Если адреналин не выделяется, человек легко доходит до суицида. Сильные люди быстро кончают с собой, а вот слабые медленно – курят, спиваются, ширяются и тому подобное.

И тут многое зависит от жён. Стоит только сказать жене:

– Да что ты за мужик, не можешь прокормить семью, не можешь удовлетворить бабу?

Ну и тому подобное, и гибнет мужик на глазах у всех. А она потом удивляется: и откуда у него рак, вроде берегла как могла. А я так понимаю: таких вот жён и называли гарпиями, они и склёвывали понемногу своих мужей в мифах.

А беречь мужика значит давать ему возможность чувствовать себя мужчиной.

Это отступления от темы, но мне кажется, что они важны очень.

Встреча на сплаве

Летом 1977 года во время такого же сплава домой я и повстречал тигра, можно сказать, в упор.

Плыл я по Арму один, торопился, использовал всё светлое время. Заночевал в барачке Петра Калины. Проснулся очень рано и сразу же, не позавтракав, в путь.

Вскоре пошёл длинный быстрый перекат, и меня вынесло в большую яму под скалой. Справа под эту скалу впадает, по-моему, Малый Мудоцен (какой-то ключ), и река сильно, градусов на 100, поворачивает влево. Очень медленно отходит от этой ямы. Шесток дна не достаёт, единственное, что им можно грести как веслом и отталкиваться от скалы, чтобы не продырявить лодку или не стукнуться лбом в скалу. Возле скалы туман утренний гуще, чем над рекой. Я как могу заставляю лодку отплыть от скалы. Замечаю, что вдали какой-то рыжий зверь выходит на левый берег реки, метрах в 100—120. Не успел я толком его рассмотреть, как он лёг прямо в воду. Я инстинктивно притих, положил шест в лодку и стал рассматривать зверя. Лодка понемногу начала отходить от скал и набирать движение. Смотрю, тигр это. Лежит поперёк движения реки, возле левого берега. Голова поднята, и смотрит он на противоположный берег, река шумит, и он меня не замечает.

Заворожённый картиной, я замечаю, что лодку начало прибывать течением к левому берегу. То есть вскорости могу

оказаться перед самой его мордой и полуоткрытой пастью, в которой хорошо были видны правые клыки. Я не выдержал – тихонько опустил шест в воду слева, чтобы оттолкнуть лодку подальше от тигра. И только шест коснулся дна, как его голова резко повернулась в мою сторону. Наши взгляды встретились на какую-то долю секунды. Я сильно давил на шест, между нами было не более 15 метров. На морде было видно несколько насосавшихся раздутых клещей. Взгляд быстрый, пронизывающий.

В следующий момент эта «кошка» взлетела вверх на обрывистый берег (не менее двух метров высотой). Взлетела и на секунду застыла. Между нами уже метров 10, и ещё падает вода с его шкуры на землю, а тигр повернул голову на меня, ещё раз мы встретились взглядами. У меня вырвался к нему вопрос:

– Что, жарко? – довольно громко спросил я.

Видно, потому, что он лежал наполовину в воде и что пасть у него была приоткрыта. Но в следующий момент он исчез в кустах.

Я, очарованный, удивлённый и ошеломлённый увиденным, некоторое время плыл по течению, не шевелясь. Какое-то чувство радости и единения с природой, не знаю, как и выразить, но только не страх. Лодку начал выводить на стрежень и увидел – на правом берегу, в мелком тальнике недалеко от берега стояла косуля. Сейчас думаю, это он её тогда слышал и зорко старался высмотреть. Иначе бы он вряд

ли подпустил меня так близко. Я был счастлив, что довелось увидеть, и не пожалел, что так рано продолжил своё путешествие.

Ещё один случай на сплаве

Летом день длинный, и потому проплываешь большие расстояния. А к осени, чтобы успеть к автобусу, приходилось идти потемну и довольно помногу. Речку я уже изучил и не очень-то опасался. К тому времени в партии появилась хорошая лодка на 500 кг грузоподъёмности (с аварийного комплекта Ми-4).

А я приобрёл лодку «ширпотреб» без надувного дна на 200 кг, те же мелкие баллоны. Но я ей под дно подводил надувной матрас, а под него брезент, две подушки, комплект к лодке, я вместе связал одну на другую и использовал вместо сидушки. Плавсредство получилось неплохое для одного человека. Волна не залетала в лодку, если лодку ставить поперёк неё.

К тому же матрас помогал при ночёвке прямо на берегу у костра.

Сплавлился осенью, примерно в 1978 году. Было уже холодно, и день был коротким. Рано потемнело, а я планировал дойти до барачка на устье Кандамы.

Она впадает ниже р. Нанцы примерно метров 400 справа. Нанца – левый приток. Темень наступила с туманом непроглядная. Держу стрежень десятым чувством, еле узнаю речку, вот уже вроде скалы (Белого оленя).

За ними должна быть Нанца. Белым оленем названа скала потому, что якобы охотник добыл там изюбра совершенно белого (альбиноса.) Да, похоже, река сильно расширилась, но что это за шум как от коварного переката – не могу понять. Набрасываю через плечо сумку для рыбы. В неё кладу кузбас-фонарь (батарею). Головку беру в руку, включаю и свечу вперёд, но в тумане ничего разглядеть не могу. А шум приближается.

Откладываю свет в сторону. Хватаю шест (отойти от опасности вправо). Один толчок с левого борта, второй, третий не получился – шест не достал дна. И вдруг кто-то сильно, резко подымает нос лодки вверх.

Я вылетаю спиной назад в холодную воду. Кувыркаюсь в воде, что-то мне мешает всплыть на поверхность, но я барахтаюсь. Наконец, всплываю, гляжу по сторонам лодку, где она? Фонарик светит в воде, схватил его левой рукой, свечу. Вот она, метров в 6—7 впереди. Пытаюсь её догнать, как могу плыву. На мне поднятые болотники, сумка с фонарём для рыбы и сам фонарь, всё мешает и одет хорошо. Куртка меховая и вся одежда давно намокли. Вода обжигает холодом, но я отчаянно, что есть сил стараюсь плыть. И лодка приближается, наконец-то я хватаюсь рукой за уключину под весло. Пытаюсь залезть в неё, но не всё так просто. Лодка поднимается на борт и хочет опрокинуться и накрыть меня. Решение пришло мигом. Что есть сил болтаю ногами, чтобы принять как можно более горизонтальное положение, и плавно

наползаю на лодку. Сажусь на колени. Оцениваю ситуацию. Шеста и весла нет, рюкзак стоит (хорошо, привязал заведомо). Нет сидушки (двух связанных подушек), спиннинг выглядывает из-под рюкзака. Пытаюсь грести ладонями к правому берегу. Лодка не очень-то повинуется. Достая спиннинг с простой (киевской) катушкой. Гребу ручкой спиннинга с катушкой. Хорошо, течение замедлилось, и лодка мало-помалу начала отходить от течения к берегу.

Вот уже и мель пошла, выпрыгиваю и тащу лодку бегом к берегу. На берегу густо растёт тальник толщиной сантиметров 5—6. Он стоит стеной в воде сантиметров 10—15 глубины. По рукам течёт вода, всё мокрое.

Да, не распалить мне костёр. Тело сковывает холод, но только в барачке охотника можно спастись, а до него ещё метров 200 по воде и около 100 по суше. Быстро вырезаю ножом (благо, он у меня всегда на ремне) шесток и снова в лодку.

Давлю на шест сколько есть сил, чтобы как-то согреться, но движения всё замедляются – замерзаю. И вот он, ключ Кандама.

А тело уже совсем не слушается. Отвязываю рюкзак, подтягиваю лодку и стараюсь бежать к барачку. Но мой бег не быстрее средней ходьбы. Вот она, избушка (охотничий барачек примерно 4x4 м размером внутри). Всё с себя снимаю, развешиваю и затапливаю печку. Хорошо, что добрый и опытный человек оставил немного сухих дровишек возле

печки и на улице.

Накаляю печку докрасна, падаю на полати и, видно, теряю сознание. Прихожу в себя – пот градом, в барачке немного падает температура. Может, градусов до 60. Набрасываю ещё полную печку. Да, сухая баня, парилка. Понимаю, что только жара меня может спасти. Температура, видно, под сорок, шатает – не могу ходить. Опять на полати и опять полный отруб. Не помню, сколько это продолжалось. Сколько я подкидывал и отрубался, но наконец встал и понял, что температуры нет, ничто не болит, потеть больше нечем.

Сильно хочу пить. Достал из рюкзака фляжку с холодным чаем, подогрел его в кружке на печке. Выпил всю фляжку. Жара не нужна, спать хочу.

Оделся, проветрил немного барачек и лег спать.

Проснулся. Солнце уже хорошо взошло. На душе легко, радостно, как будто бы меня покрестили в церкви, жив и счастлив.

Вскипятил чая, что-то поел. Путь нужно продолжать.

А когда подошёл к лодке, ноги и руки не слушаются, трясутся, не подчиняются голове. Сажусь на песок рядом с лодкой. Немного успокоюсь. Опять попытка. Опять дрожь, страх. Да такая дрожь, какую я нигде на себе не испытывал раньше, голова никак не может повлиять, управлять телом. Ни руки, ни ноги не слушаются. Нарубил палок, постелил их на борта вместо подушек. А в лодку сесть не могу, тело не подчиняется моей отчаянной голове. Пытаюсь себя убедить,

что никто тебе не поможет, кругом за сто километров нет народа, нужно самому решать, ведь всё прошло. Всё же с какой-то попытки заставил себя залезть в лодку и отчалить от берега. Оказалось, это так трудно. Не могу смотреть в воду. Но мало-помалу нужно управлять лодкой, и я втягиваю себя в процесс дальнейшего выживания. Километра через три смотрю, болтаются мои подушки, зацепились за ветки какого-то утонувшего дерева. Подплываю к ним, а наклониться над лодкой не могу. Опять дрожь колотит, увидел холодную глубину. Пристаю к берегу, затагиваю лодку выше по течению, опять плыву осторожно к подушкам. Ложусь на дно лодки и всё же достаю их. Страх мало-помалу отпустил, и я доплыл до канатной переправы (автобуса).

В пути я вспомнил случай из своего детства.

Малым был тогда. Вход в наш двор преграждали высокие ворота и высокая калитка, так что кто пришёл – не видать. Вот собака лает, и кто-то стучит в калитку. Пошёл открывать, стоит цыганка с девчонкой и на руках у неё малый ребёнок.

Я их пустил. Подошли к порогу. Вышла моя мачеха, поздоровались. Цыганка грязная и уже немолодая, просит милости. Через плечо у неё веревка, а на боку полотняная сумка. Прямо как у старцев, ходивших иногда в те времена и просивших милостыню.

– Давай тебе, хозяйка, погадаю.

Мачеха долго не слушала её лепет и ушла в дом. Вскоре

вернулась с половиной булки чёрного своего хлеба и кусочком сала.

– Нате вам и идите с богом.

Девчонка перехватила хлеб и тут же впилась в него зубами. Цыганка отобрала у неё хлеб, стукнула ей затрещину и поблагодарила хозяйку.

– Я вижу, голубушка, ты не веришь ни в какие гадания, а я честно могу – и на картах, и по руке. Давай погадаю.

– Не надо, я всё про себя знаю.

– Ну, мне хлеб нужно отработать, я так не могу.

– Ладно, посмотри руку мальчонке.

Та взяла мою левую ладонь.

– Выучится, уедет от тебя далеко. Богатым будет. Вода ему грозит, береги его. Утонуть может в детстве, если не в детстве, то сильно тонуть будет лет в 30. Но если выплывет, после жить будет долго.

– Да ладно, поберегу, идите с богом.

И вот сбылось же. Тонул я часто малым, пока не научился плавать. А один раз, потом говорили мне, откачивали. Но случай тот я очень смутно помню.

Хоть богатым я и не стал, но смелее на речке был, немного помогло, что больше не буду тонуть и что жить буду долго.

В следующий раз сплавляясь, я подплыл к своему непонятному, коварному врагу, что встал на моём пути так неожиданно, в темноте и тумане.

Это была так называемая расчёска, опасное препятствие.

С левого берега подмыло огромный ясень. Он почти лёг на воду, с полметра вершина не доставала воды, потому как несколько боковых крупных веток упёрлись в дно. Висел он над водой поперёк течения. Ветки от вершины буравили воду и создавали шум. И вынесло меня почти на вершину. Выбросило меня под них, а лодку тут же потянуло течением, развернув кормой по течению. Хорошо, не повис за ветки на глубине. Но боги помогли мне не утонуть и не околеть в холодной воде.

Сказать, что прошло это бесследно, тоже нельзя. Случается этот припадок дикой тряски тела, когда в барачке спишь и температура понизится. Всегда чувствую понижение температуры. Встаю и подкидываю в печку дров. А когда под тёплым одеялом прозеваю похолодание, меня может так затрясти, что трудно потом управлять руками и ногами. И потом под одеялом унять эту дикую дрожь. Похоже, проснулся какой-то древний центр управления телом (рудимент).

Тигролов Трофимов

Ещё я был лично знаком с известным тигроловым Трофимовым.

Матрёна Игнатьевна (его последний ребёнок), просто Мотя, была замужем за Кочкиным (старшим геологом партии), в которую меня перевели в 1975 году. Она работала чертёжницей в экспедиции. Два раза мне с самим Трофимовым довелось пообщаться.

Я всё расспрашивал его про охоту. Рассказчик он был

очень хороший и ничего не скрывал. Был очень смекалист, физически очень развит. И талантлив, я думаю, не только в охоте. Научился он ловить тигров самостоятельно. Когда его попросили первый раз, он не отказался. Видно, ему самому было интересно. Собрал небольшую бригаду из односельчан и смело взялся за рискованное дело.

Потом была создана бригада тигроловов и в Хабаровском крае. Но человек, её возглавивший, напросился к Трофимову и три сезона ходил учеником. У староверов было распространено состязание, борьба на (крючьях). Берут друг друга за средний палец и тянут. И чей палец разогнётся, тот и проиграл. Так вот он попробовал и со мной. Я проиграл и огорчился.

– Да не горюй ты, у меня ещё никто не выигрывал.

О его смекалке и силе может говорить такой факт. Однажды он убил бурого медведя. А морозов ещё хороших не было. Так чтобы не испортилось мясо, выпотрошил и поднял медведя на тросике, подвесил над землёй метра на два с половиной. А когда медведя взвесили, оказалось 500 кг с лишним.

В тот год, когда он погиб, соболь ни на какую принаду не ловился. Охотники вышли из тайги ждать января (когда соболь начнёт тропить). Он же пришёл к нам в партию и попросил у Моти собаку при мне.

– Да зачем она тебе, она уже восемь лет просидела с детства на цепи? Какой с неё охотник?

– Э, нет, ты не права. Я её хорошо посмотрел, прирождённый охотник она. Я её научу, собак я вижу насквозь и учить умею.

И действительно, потом я узнал, что собака хорошо пошла на соболя. И брал он соболя до января гоном. Загонял или на дерево, или в корчи, потом обмётывал сетью. И приходил на то место на второй день. Забирал соболя без дефектов. А за собаку охотники спорили ещё три года после него, кому достанется, к Моте она уже во двор не попала.

Так он и измотал себя сильно на охоте. Организм ослаб и приболел простудой, когда закончил охоту. Он был сильно уверен в себе, мол, нет такой простуды, которую нельзя выгнать в бане. Три раза заходил в свою парилку. Парился до изнеможения. И когда выпил рюмку после бани, случился инсульт.

Он был прирождённый лидер (я бы так сказал). О нём много писали в газетах. Сохранились киносъёмки в архивах редакций, и у меня есть два документальных фильма о нём.

В те (доперестроечные) времена была хорошая кормовая база для зверя, орех кедровый, маньчжурский и, главное, жёлудь. Было много чушки, косуль и изюбрей. Поэтому была неплохая численность и тигра. И тигроловы ловили только котят, годовалых или двухгодовалых. Мать их водит до трёх лет. Но уже трёхлетние почти никому не нужны. Да и отлавливать их уже очень тяжело. Они уже больше 100 кг. Один такой тигр и искусал ему руку. Укусы были не просты, ко-

сти сломаны в нескольких местах. Хорошо, его мать могла лечить домашних животных и людей. Особенно могла собирать переломанные кости. Часто и в больницу её привозили хирурги. А то на дом привозили изломанного.

Он всё-таки как-то удерживал голову и шею тигра, пока ребята из бригады не спеленали его пасть.

Вот такие встречи были у меня по жизни с тиграми. Убивать, слава богу, не пришлось, зверь осторожный и без причины на человека не нападает, но впечатление при встречах вызывает огромное. Когда восторг, а когда и испуг – всё это надо иногда испытывать для остроты жизни.

Про мишку-малыша

История эта началась с 2013 года. У меня было много зависшего меда (непроданного). Мед был очень хорошего качества, но закристаллизовался в бидонах и стоял уже три года. И мне не охота было его перекладывать в куботейнеры и сдавать по минимальным ценам, да ещё и самому отвозить в Хабаровск или Уссурийск. Я решил его скормить пчёлам весной. Пчелу разовую посильнее, а что у них будет лишнее – перед медосбором заберу.

Ещё **9 июня** возле пасеки походил медвежонок. Следочки были видны и по дну протоки, и под черёмухой Маака, и на самой черёмухе следки коготков. Похоже, он на неё залазил и хорошо оглядел пасеку. Эти черёмухи в 20 метрах от ульев. Но к ульям он не подходил. Я подумал: с мамкой шёл, пошалил немного и она увела его подальше. В этот июнь пчела развивалась хорошо. Числа с 8-го пошёл небольшой принос, что довольно редко бывает на моей пасеке. И я начал налаживать мёд в кормушки и раздавать пчёлам. Но они забирать его стали очень плохо, а с природы несли хорошо. Плевать хотели пчёлки на мои планы.

19 июня мы с Людой решили сделать так называемую воздушную подкормку. Наложили мёда в корыто и поставили возле поилки. Но пчела и на него не пошла. К ночи мы мёд переложили опять в бидон. Корыто не помыли, а так и унес-

ли его в холодное хранилище (крыша без двери, чердака и фронтонов). Эта постройка, складик для корпусов, рамок и прочего, построена в 20 метрах от омшаника. Над омшаником навес, под которым настил. Летом мы и живём в палатке на этом настиле.

Ночью я услышал, что корыто упало, гроыхнуло, оно железное, и звук был громким. Стояло оно на двух корпусах от ульев. Я, проснувшись, какое-то время вслушивался в тишину, но тихо... Кот, наверное, прыгнул, решил я и опустил голову на подушку. Утром я пошёл в хранилище. Корыто лежало на земле и было вылизано дочи́ста. Я поднял корыто на место. Хорош кот, подумал я. Вот и тропа сбоку от задней стенки хранилища. Задняя стенка хранилища упирается в лес, и трава к лесу не кошена. Тропа хорошо натоптана. Видимо, когда корыто упало, он отбегал, испугавшись, после опять несколько раз подходил.

На следующую ночь медвежонок опять его уронил, опять меня разбудил. Долго я вслушивался – тихо. Значит, к пчёлам не идёт, видимо, мамка не позволяет. И я опять после долгого прислушивания уснул. Утром я опять поставил корыто на место. Прошёлся возле провода ограды – нет, не подходил. Электрического сторожа (пастуха животных) я отключаю, как приезжаю на пасеку, экономлю заряд аккумулятора. Когда ухожу домой, пускаю ток по проволоке. По проводу и идёт импульсный ток, как на свечу двигателя с интервалом в 10 секунд. Со стороны омшаника и хранилища

и провода нет.

22 июня я включил сторожа и с Людой уехали домой. Беспокойство всё-таки закралось, и 24-го мы опять приехали на пасеку. Медвежонок к пчёлам не подходил. Видимо, мать строгая, увела подальше. И мы опять домой, встречать дочку с города.

27 июня Люда, Настя и Чурин заехали на пасеку, готовить пчёл к медосбору. В наше отсутствие мишка, видимо, каждую ночь подходил к корыту. А в последнюю он осмелел и зашёл от хранилища мимо кострища в ограду к пчёлам. Видимо, он без матери. Страх его не покидал. Он опростался возле улья и не мог понять, откуда идёт такой запах мёда. Но, видимо, его напугал кот: убегая прыгнул на лист железа, лежащий возле уличной печки, тот гроыхнул. Миша ретировался своим путём обратно. Но потом тишина, запах, исходящий от ульев, и любопытство не дали ему успокоиться. И он опять подошёл к ульям. Выбрав двухкорпусный сильный улей, он повалил его с кольев. Улей, упав, не развалился, только между корпусами появилась щель в три сантиметра. Пчёлы дружно кинулись на защиту от непрошеного гостя, облепили нос и часть – укусили. Миша бросил улей и побежал напрямик к хранилищу. Но на пути он зацепил проволоку сторожа, и тут его ударило импульсом тока. Мишка и рванул что было сил по огороду к лесу. Всё это было видно как на ладони по следам на траве и по огороду. Провод лежал на земле, сбитый с кольев ограды. Я показал картинку

Людмиле, Насте. Мы весело поохотились над малышом. Да, видимо, он ходит один, решил я, и теперь не скоро здесь появится. И правда, всё лето его не было.

Вспомнился мне один случай с моей работы в полевой геологической партии в 75-м году. Я застрелил тогда мишку килограмм на 30. Думал, пестун двух-трёхлетний. Но он оказался старым, со сточенными зубами. И как-то один охотник мне говорил, что убивал такого мишку, старого и его мясо поместилось в рюкзак. В справочной литературе про таких мишек я ничего не нашёл. Вот только оговорка есть, что в неурожайный год кедры гималайский медведь не растёт – малым и остаётся. Ещё в природе почти у всякого зверя бывают часто последыши. Последний детёныш рождается мелким и так толком и не растёт (своего рода карлик). Вот и этот малыш, видимо, таков. Но то, что он один, без мамки – это факт. Может, её убили или попалась тигру. В тайге свои законы, и нам к ним примерять свои не стоит. Родила двоих, а голодная весна. Вот одного и отогнала, не стала кормить, слабого бросила, а второго увела. Это чаще бывает, чем мы думаем. Почти всегда рождается два, а доводит она до взрослого состояния одного.

Долго не было малыша возле пасеки. Но **4 октября** он появился. Пришёл ночью в холодное хранилище. Там я уже наставил много сокращённых и обсушенных пчелой рамок от мёда. Колонны по 7 корпусов. Он залез наверх корпусов, с двух корпусов рамки повынимал и повыкидывал в окно за

заднюю стенку хранилища к лесу. После вылез с хранилища, подошёл к рамкам и уже спокойно, без страха «пировал». Да, голод не тётка, заставил пожирать пустую и вылизанную вошину пчелой. Там и запаха-то мёда не остаётся. А он всё переломал. Что сгрыз, а что переломал, попортил. Погрыз и часть деревянных брусков рамок. Утолил, видимо, чувство голода, а смелости не набрался подойти к ульям. И до постановки пчёл он к пчёлам не подходил.

Этот год был очень активного Солнца. Было много землетрясений и проснулось много вулканов. И небывалое наводнение было на Амуре. Вода возле Хабаровска поднималась до 9,2 метра выше уровня. Огромные пространства долин речушек Амура были затоплены. Много зверя и потонуло, и осталось без корма. Часть сменило места обитания, разбредось-разошлось в другие места. Эта катастрофа отразилась и на нашем районе.

Зима прошла, пчёл я выставил вовремя. Бросил их до тепла и жил дома. Ожидал тепла, когда можно будет пересмотреть пчёл, начать с ними работать. Про мишку иногда вспоминал, но особо не волновался. Первые медведи приходили на пасеку к началу мая. Да, голодно им было осенью, и ходило много голодных не вдалеке от пасеки. Я видел следы по грязи на дороге и по первым снежкам. Вряд ли и он перезимовал. Так я думал и успокаивал себя. Но с первым теплом уже в конце апреля, с 8 часов утра, я поехал добираться до пасеки. Машину пришлось бросить километрах в двух от

пасеки. И только к двум часам дня я подхожу к пасеке. Волнуюсь. Не снимая рюкзака, бегу к пчёлкам. Не зря волновался, чувствовал беду. **Миша перезимовал.** И уже две ночи отъедался после зимы на пасеке. Мне пчёл было жаль, но какая-то поддержка уверенности, что жизнь, она крепче всяких невзгод и горя. Нужно не опускать руки, бороться и надеяться. Малыш, без матери, брошенный, голодный, не накопивший жира, перезимовал суровую зиму, и вот он отъедается – осмелел. Электросторож был не включён. Мишка первым делом подошёл к прошлогоднему пиршеству. После зашёл в хранилище к рамкам, снял один корпус пустых рамок. Одну извлёк из корпуса, исцарапал, потоптал, обнюхал и бросил. После забрался наверх на корпуса, поскидывал крышки, всё обнюхал, извлекал ещё пару рамок, драл их когтями, обнюхивал и, убедившись, что мёда в них нет, бросил своё занятие. Но голод гнал, и он, осмелев, пошёл, обходя проволоку, к тому улью, что валил осенью. Он ему, наверное, всю зиму снился. Холодная ночь, пчёлка грела расплод и не очень-то кинулась защищать себя и своё добро. Но первую рамку, самую медовую, он поедал в лесу в 20 метрах от улья за хранилищем. Видимо, после опять подходил, взял ещё медовых рамок и уже спокойно ушёл в другое место. Перешагнул через страхи – всё, я здесь хозяин и сыт. Семья пчёл не смогла согреть разбросанные рамки с расплодом и замёрзла.

На вторую ночь он зашёл также от хранилища до съеден-

ного улья. Посмотрел, что всё на месте, как и бросил вчера, хозяин не появился. Он прошёл через все ряды к переднему угловому «медвежьему». Сколько на том месте съедено ульев, один бог знает. Но он уже ничего не боялся. Сначала снял с улья крышку, после подкрышник отложил в сторону. Улей свалил с кольев на бок. Рамки сдвинулись. Мишка выбрал самую медовую и уже лакомылся рядом с ульем. Видимо, азарт и жадность охватили его. Он не стал более трогать «медвежий», а немного отошёл ко второму ряду и выбрал улей побогаче мёдом. Но также снял крышку и подкрышник и отложил их в сторону, улей свалил с кольев и, выбрав рамку, достал и полакомился. Съел, получается, всего-то три рамки мёда, можно бы было и простить. Но матки погибли во всех трёх ульях. А потеря матки весной – это потеря улья. Так что я на него обиделся, да, браток ты мой меньший, тебя уже пора убивать – не отогнать тебя миром.

К вечеру я всё приготовил к его встрече. Лёг пораньше на настил, рядом поставил кресло. Подход от хранилища совсем рядом с настилом. Я то на хранилище смотрю, то на пчёл, всё жду сумерек. Но по-светлому он не пришёл. Я пересел в кресло. Ночь тёмная, безлунная. Долго я сидел не шелохнувшись, весь во внимании шорохов и звуков. Глаза устали высматривать всякую тень. Да всё тихо, как во сне. Тело затекло, с семи часов вечера и до одиннадцати в кресле не двигаясь. Температура тоже не в кайф, около пяти градусов. И я начал терять надежду. Видимо, объелся, будет дня два

отлёживаться. Другой бы уже давно вышел. Я решил встать на ноги, распрямиться, постоять выпрямиться, это же можно сделать тихо. Медленно, потихоньку я поднялся, и тут же заметили глаза какую-то тень, неясную, но вроде движущуюся. Она медленно отделилась от первого ряда пчёл и скрылась во втором. Ток прошил меня насквозь, адреналин ударил в голову. Сердце качнуло кровь во всю мощь – это он, не снится.

Не спугни, близко прошёл, видимо, метрах в шести от меня и, может, слышал моё дыхание, а я не слышал. Проплыл он в тумане, не сомневайся – он.

Ружьё стоит в полуметре, нужно медленно дотянуться и поднять, чтобы одежда и провода, идущие от батареек к фонарику, не шелохнулись. Всё это делаю, а в голове – проспал, твою мать, спокойней, медленнее, не шумни. А тень уже чётче видна. Плывёт, уже третий ряд минует. Наконец-то плечо ощущает приклад и пальцы правой руки на переключателе света фонарика. Свет остановил его на полшаге. Он замер, подняв левую переднюю лапу вперёд, и застыл. Тоже проспал, выходит, не ожидал. И только глаз свыкся видеть свет, я увидел мушка там, где нужно, в прорези, да и лопатка левая, чётко. Жми-дожимай быстрее – всё четко. И громыхнул выстрел неожиданно, не проверил точность прицела, горизонтальность мушки. И в голове – промах, такой промах, мушка была ниже. Он не более хорошей собаки, пуля ниже прошла. Кто тебя торопил? Он же замер. Да так неожидан-

но, как со сна, и быстро, и адреналин сердце молотит. Легко тебе смотреть со стороны, советы давать. Вот ты и советовал – жми, всё чётко. Вот тебе и дожал курок. Мишка сразу же пригнулся вправо и пулей полетел через провод, мимо ябло-ни и в лес, и ни одна ветка под ним не треснула.

– Всё, промах чёткий, пуля под туловищем. Да понял я, понял, поторопился... Промач, сто пудов... Он прошёл мимо меня в шести метрах, и я не услышал. Сам не верю, но это так... Идём отогреться и спать.

Я ещё долго не засыпал. Не уходило возбуждение. Как он так перестраховался, перебдел? И всё же не стал брать ульи с первых рядов, а шёл через все ряды к противоположному краю. Не мог он не слышать моё дыхание.

Утром я увидел, пуля прошла под самой правой лапой, видимо, он почувствовал её удар и силу. Возможно, даже подкинула лапу от земли кверху. В любом случае напугало его сильно, не скоро он придёт, следующую ночь можно точно не ждать его.

На всякий случай я отдежурил следующую ночь до 12 часов. Брось, не придёт. Возможно, это самочка. Ведёт-то себя как! Да нет, раз уж попробовала мёда, то хоть и самка – конец один, не бросит. А сколько ульев уничтожит, никому не известно. Вот и подкормил пчёл (воздушкой). Все болтают и пишут про эту воздушку, но это не у нас. Это привада для медведя. Ему, наверное, всю зиму снилось корыто, полное мёда.

11 мая Миша опять появился. Я был на пасеке с Людой. Мы беспечно спали ещё в барачке, по ночам ещё холодно, а комары и мошка нас не загнали в палатку. Сторожа не включали, он его не отгонит, а только отпугнёт на время. Я понимал, пока он опять смело не начнёт жрать ульи, его не укараулить. И благо бы, он начал ходить, когда я буду на пасеке, а не дома. Меньше будет потерь. А выход один... Как-то утром я вышел и сразу увидел, улей валяется раскиданный на боку. Часть рамок лежит кучкой, часть истоптанных, часть выеденных. Ел тут же рядом. Конечно же, съедено главное, расплод и медок. Весь улей съеден, ещё одна горькая потеря. Ну ты и гадость, малыш, пакостишь хуже взрослых. Ел на рассвете под утро. Я что-то слышал под утро, а может быть, снилось да не проснулся, не вышел из домика. Вот тебе и надолго бросил, напугался, скоро не придет... Да теперь он и провод перервал уходя, бояться нечего и осмелел. Всё, он объявил войну. Пчёл уже не бросить. А домой уже нужно, и продукты кончаются.

И вот я опять с вечера на настиле в кресле. И погода его, всё ему везёт. Темень, морось, ветерок крутит. Я понимаю, он давно уже возле пасеки и давно меня вычислил. А бросить не могу, всё всматриваюсь в плавающие тени. А небо то сплошной пеленой закрыто, то откроется, тени плавают возле леса. Не бросай, не шевелись, смотри получше, таков твой удел...

Да вон он, стоит на задних лапах, под самым лесом, нюха-

ет воздух... И твой взгляд он видит, да и воздух крутит. Вот точно он, присел на все лапы на землю. И невидим. И опять томительное время – час или два, и опять всё тело одеревенело. Всё, терпения нету более, трус ты, засранец, тебе опять повезло. Я включаю фонарик, приклад у плеча. Посветил по всей пасеке и по границе леса. Нигде глазки не заблестели, не придёт, всё он понял и меня ощутил, а может, и увидел. Бросать можно смело. Спать тянет, спасу нету, днём наработался и весь вечер караулил честно. Ладно, будь по-твоему, не придёт, уже 12 часов. Я слез с настила, прошёлся по границе ульев, перешёл ему предполагаемый подход, подошёл к улью, который он ел последним. В нём горстка пчёл, но поставлен на свои колья для бутафории. Я сделал метку возле него мочой. Мой запах будет держаться долго. Но ещё была мелкая морось, может и смыть все следы к утру. Может, и отпугнет. Пошёл в домик спать. Под утро морось смыла, видимо, все следы, он подошёл к этому улью, опрокинул его, а рамки брать не стал. То ли почуяв мой запах, то ли был уже сыт и просто показал, я не трус вовсе и, хоть еды сейчас у меня и полно, но я здесь хозяин и что хочу, то и буду делать. Ну, да ладно, хозяйничай, твоя взяла, твоё время, сволота, а мне позарез нужно ехать сегодня домой. После сочтёмся...

Дома всякие мысли были, тревожные сны, но деваться некуда. Через день я с тревогой приехал на пасеку. Странно, но его на пасеке не было, видимо, пока нашёл хорошие корма и решил не рисковать. Ведь он чётко показал, что хозяин

он, когда захочу, тогда и приду, мне никто не указ... Всё же ты поступил по-хозяйски, Миша, пусть пчёлки хоть немного окрепнут, заменятся, подрастут. Ведь губишь под корень, гадёныш.

Может, мысли передаются, а может, жимолость начала зреть, и он ушёл на болота откармливаться ягодой. Но он бросил пасеку, конечно же, на время, я это знаю. В июле он, видимо, часто подходил к пасеке, я слышал треск веток и его присутствие, но мы там всё время жили и работали до вечера, уже качали мёд. То есть оставляли много запахов и дым с дымаря и от костра, звуки до ночи. Да и еды ему летом хватает. И он не подходил к ульям. Усыплялась моя бдительность, да и обида прошла. И ещё одна вредная мысль появилась: самочка это, да и сиротка, не похоже на малыша. Просто весной голод заставил – жить все хотят.

8 сентября я спал уже в доме, перебрался с палатки. Утром выхожу – вот на тебе привет от меня. Пять ульев валяются на земле. Повалил, видимо, сразу два, пчела хорошо защищалась, было 14 градусов ночью, но корпуса не рассоединились падая, и он отбежал в кусты. После мишка опять подошёл к другим ульям и повалил ещё три. И тоже корпуса не рассоединились, а пчела сильно защищала своё. Вряд ли он забыл как раскрывать. Видимо, откармливался где-то на желудях, и сразу печёнка была не готова к мёду. А может, просто напомнил: я хозяин, и я пришёл и тебе напоминаю об этом.

Следующую ночь я его караулил на настиле. Ночь была ветреная, он мог меня услышать легко, но похоже, и не подходил к пасеке. И следующая ночь повторилась. Да ещё и дождь пошёл с четырёх часов. Везунок, видимо, его время не пришло, и мне не везёт, но надо терпеть, некуда деваться. Когда-нибудь и на твоей улице будет праздник. Я и ещё подежурил ночь, да тщетно. Точно, он сыт, жёлудь уродил, и маньчжурский орех, и кедр уже посыпался. Такое редко бывает, жируй, малыш, от пуза. И от добра добра не ищут. Он просто напомнил, чтобы я не забывал, что он хозяин. А ты ухаживай, корми, сторожи, береги, когда мне понадобится, приду. Так я его понял и бросил сторожить.

До конца года его и не было. Да и кедр уродил как никогда раньше. Мало его осталось в нашем районе. За последние 70 лет лесорубы уже второй раз прошлись с пилами. А выращивать его нужно не менее 500 лет. Может, природа даёт спасительный последний откорм зверю.

Быстро зима пролетела. Я опять выставил пчел из омшаника, полный надежд и радости жизни, и забот. Есть любимое дело, на котором работаешь и устаёшь в радость. И время летит, не замечаешь. Каждому бы его находить. Знать, для чего ты предназначен.

На кедрах часть шишки висела ещё долго, до самых новых побегов веток. Пиршество жителей тайги продолжалось, они отъедались, плодились, жирели. Мишка, а может, Машка, и не напоминал о себе. К концу июля мы все заехали на пасеку

уже качать мёд. Заехали к вечеру, и я на ночь включил сторожа, рано завалились спать уставшие. И я уже спал, Люда и дочка ещё дремали. И вдруг страшный и отчаянный крик медведя потряс пасеку. Мишка прикоснулся к проводу сторожа и получил хороший удар током.

Медосбор был плохой, да и осень не хороша. Но пасеку я восстановил и медку немного накачал. Но и не забывал, он живой и пасеку не забудет. Как он тогда мне напомнил, кто хозяин на этой пасеке. Бди, пчеловод, бди... И я надолго пасеку не бросал. Однажды приехал из дома, смотрю: возле кустов жимолости сентябрилки порваны, такие просветы и бросились в глаза. Я подошёл ближе. Да, мишка попасса, видимо, муравьёв копал. Вот он лазил по огороду, и вот следы к корыту с водой для пчёл. Э, да оно лежит на земле. Он, видимо, опрокинул его на себя и, испугавшись, на махах сиганул по медунице к лесу. Значит, он ходит вокруг. Останавливает провод, от сентябринок до него 2 метра. Но осмелеет, перепрыгнет, как другие. Что ему эти 60 сантиметров. К началу августа на пчёл нападает азиатский шершень. В ульях уничтожает всю лётную пчелу. Перед спариванием матки и труты шершня отъедаются пчелой и расплодом. Конечно, не медведь, но вреда пчёлам приносит много. Для их отлова ставлю бражку из вытопок рамок в стеклянные банки. Банки разношу под ульи и крыши построек и дежурю на пасеке с большой хлопущей, бью их на прилётках и на лету. К концу июля одна из банок на углу моего домика, смот-

рю, валяется пустая. Я её поднял, опять налил на одну треть бражкой и поставил на место. Через день решил проверить – она опять валяется пустая. После третьего раза меня и осенило: Миша это скидывает и выпивает. И тропа набита. Другой зверёк не достанет. Значит, он подходит к пасеке, вокруг пасёт меня, ждёт момента моего отсутствия. И я пасеку уже старался не бросать одну. Но мёд нужно продавать, оформлять документы и отвозить в город. Выезжать надо и за продуктами.

8 августа я выехал домой и попросил заехать и подежурить Чурина. И он поехал девятого. Но 12-го он вернулся, меня не дождался. Рассказал:

– Когда пришёл на пасеку, ближний улей от дома (возле водяной скважины) лежал раскидан на боку. И весь третий корпус съеден медведем. Заходил медведь от угла дома. И туда же и корпус подносил. Так же заходил в холодное хранилище и несколько рамок там изломал. И ещё один улей был опрокинут от угла пасеки, но его он есть не стал. Остальные ночи он не приходил, и я бросил и приехал тебе рассказать.

– А спал ты в доме?

– Да, конечно.

Я, конечно же, всё понял. Миша попирует и сегодняшнюю ночь. Что тут скажешь такому пчеловоду, что и держит 5 ульев на этой пасеке, не пчеловодит и не подежурит? Тревога и обида закрались в мою душу. Во сколько ульев обойдётся его нетерпение? И на пасеку мне уже не успеть, и на

послезавтра уже документы на провоз оформлены, и мёд загружать нужно. Да, малыш, ты как кость в горле. Всё, твоё время пришло – шарахну картечью, по-браконьерски, чтобы помучался помирая – заслужил. Закончить эту возню надо, следующую ночь нужно быть дома.

13 августа рано утром я с Людой еду на пасеку. В голове мысли приехать пораньше, чтобы собрать ещё, что там останется от съеденных ульев. Сколько сожрёт – уже не восстановишь к зиме. Когда приехали, смотрю, тот угловой валяется – раскидан напрочь. Верхний корпус оттащил за проволоку ограды. Возле его лежат только три уцелевших рамки, остальные в кустах, погрызены и мед, и деревяшки. Немного почерк другой, на малыша не похож. Но лакомился как хотел и тока не побоялся. Может, сразу провод перепрыгнул? А когда нёс корпус в кусты, порвал корпусом. Мелькнула мысль: может, другой медведь. Я сходил в холодное хранилище – да, рамки попорчены. Кроме того, лежат две банки пустые из-под бражки – вылизаны, нет в них ни пойманных шершней, ни ос, ни бабочек. На углу дома тоже банка вылизана лежит. Чего сомневаешься, малыш пудов сто. Легко ещё прошло, один улей. До конца дня мы наработались, жара была, парило за тридцать при высокой влажности. Я приготовил всё для встречи гостя и полез в палатку отлежаться или вздремнуть хоть немного. А Люда задремала в кресле на настиле. В начале шестого часа я вылез из палатки и решил умыться. Скинуть всю дремоту. Спустился по лестнице с настила.

Настил – метра три продолжения чердака омшаника. Когда взял чайник с печки с тёплой водой и начал наливать воду в таз, слышу сквозь шум струи: вроде Люда что-то шепчет. Я перестал лить воду...

– Петя, Петя – медведь. Медведь, медведь...

Я не сразу сообразил и толком не понял, но тревога в голосе передалась. Я поставил таз и чайник на стол, полез по лестнице наверх. И только когда голова поднялась над настилом, расслышал её тревожные слова:

– Вон, медведь, смотри...

Медведь уже был возле ульев и развернулся, убежал в лес к туалету.

– Да успокойся ты, не дрожи. Раз пришёл по свету, уже никуда не уйдёт, минут через двадцать опять выйдет. Хорошо, что пришёл рано, хорошо...

Я взял ружьё в руки и сел в кресло. Люда села рядом на матрасе. Минут через двадцать Миша спокойно шёл от туалета к ограде к ульям. Это был уже не мишка. Хороший, килограмм на 120, упитанный медведь. Шкура на нём лоснилась и играла. Возле “галстука”, это белый треугольник шерсти на груди у местных медведей, была седая опушка. Весь он был как пружина, двигался быстро и ловко, очаровал сразу. Я ему всё простил. Какой ты стал, вырос, окреп, все мышцы на тебе играют. Достоин мгновенной смерти... И я начал потихоньку раскрывать ружьё. Менять картечь на пулю. Ещё момент, и я целился ему в лоб. Теперь промазать ни-

как нельзя. Утром нужно быть в Рошино. Медленно я начал вытравливать холостой ход спускового крючка. Но «пружина» не успокаивалась и секунды на месте не стоял. Дойдя до проволоки, круто развернулся на 180 и побежал обратно. Я отпустил курок и дыхание. Не успел, чтобы всё точно... Но минут через 10 всё повторилось точь-в-точь. У Люды страх прошёл, её он тоже очаровал. Такой красавчик, днём и так близко. Я ей шепчу:

– Сейчас выйдет опять, снимай на фотоаппарат камерой. Такое больше никогда не увидишь и другим словами не передашь.

Но она слов не воспринимала.

– Камера будет шуметь, и он не выйдет более... – шептала она.

А я опять не успевал прицелиться. Всё хотел сделать точно, наверняка. И опять он ускакал в кусты. Иногда он перед проволокой вставал на задние лапы. И перед выходом из леса тоже стоял не дольше двух секунд, опускался на четвереньки и быстро шёл. Он очаровывал, завораживал, и я не успевал. Примерно выходов шесть он сделал. Я понял, не успеваю сосредоточиться, что не попасть мне точно в лоб. И я опять перезарядил ружьё на картечь. Прости, Миша, но больно ты вёрткий, или я сплю, очарован тобой. Но бок-то ты мне всё равно подставишь. Но на седьмой выход возле проволоки он встал опять на задние, красив, гадёныш... Мушка точно остановилась посреди груди. Был металлический

щелчок по капсулю, но выстрел не произошёл. Миша мгновенно пригнулся, разворачиваясь в воздухе на 180 градусов. «Пружина», ох и ловок. Он на махах скрылся в лесу. А меня томил адреналин и удивление. Подвёл старый патрон картечи. Миша в лесу затаился. Я нашёл ещё одну картечь, перезарядил ружьё. Ждём уже минут 20. Уже начались сумерки. «Ну вот всё идёт кувырком, опять его время», – подумал я. Но вот напротив съеденного улья правее яблони, возле леса, поднимается медведь на дыбы. Да, то ли сумерки, то ли расстояние, медведь кажется крупнее, чернее и не такой какой-то, что-то изменилось... Он пару секунд стоял, видимо, не узнавал брошенное пиршество, всё было прибрано, может, запах поймал. Мне некогда было думать и рассматривать, уже серело. Вот он вальяжно уже идёт к яблоне, она в шести метрах от оградной проволоки. И ещё немного пройдя, приостановился и подворачивает левый бок... Я, затаив дыхание, уточняю прицел и дотравливаю свободный ход спуска. Ружьё резко вскинуло вверх от выстрела... Доигрался, гад, выстрел чёткий – отметило зрение. Его даже завалило на правый бок, но он гребанул лапами со всех сил вперёд и вправо и устоял-таки, разворачиваясь назад на махах к лесу. В лесу ещё долго трещали кусты, он их уже не замечал (верный признак хорошего ранения).

– Всё, Люда, – выдохнул я, – дело сделано. Представление окончено. Жаль только, что ты не засняла...

– Да я боялась испугать такое.

– Да, я тоже засматривался, не мог выстрелить столько раз. Знал бы, что он так подставится, пулей бы стрелял (но поделом тебе, заслужил, подумал я). Но так уж вышло, прости, Миша... Всё, Люда, шторы театра опустились, насмотрелась, всё-таки жаль, не засняла. Пошли, что-нибудь приготовим поесть.

– Да, посмотрела, вот это да... Это тебе не в цирке...

– А ты хорошо видела перед выстрелом? Вроде медведь крупнее, другой...

– Я не поняла.

Я походил ещё по пасеке, снял показания с весов. После наносил воды в корыта пчёлам. Поели, залезли в палатку спать. А я всё никак не могу успокоиться, вроде всё получилось, подвезло, дело сделано, но что-то не так, не логично. Не ясно, далеко ли отбежал, а может, и не упал вовсе... Да ладно, успокаивал я себя, утром разберёмся. Мы включили планшет слушать книжку. Я успокоился, начал уже отвлекаться от текста, дремать. Вдруг слышу – падение крышки улья и тут же улей падает, эти звуки я спутать ни с чем не могу. Ток прошёл по всему телу. Я крикнул: «Гад ты ползучий!» Вскочил, полез из палатки в майке и трусах к комарам. Люда что-то спрашивала, что, что такое? Куда ты? Взяв в руки ружьё, включаю фонарик. Всё верно, лежит улей возле съеденного. Мишки уже и след простыл. Да вот, Люда, война продолжается. На часах было 22.30. Вот что томило меня, вот он, малыш. Всё стало яснее... Малыш привёл друга

или конкурента. Ну что ж, повоюем ещё. Но картечи у меня больше нет, только пули, а он шустряк. Не дался по-светлому... Да ладно, сочтёмся сегодня, за долги нужно платить, мишка. И я полез в палатку одеваться. Люда уже была одета.

– Везёт нам сегодня, хорошо, осмелел, вышел. А то бы уехали утром, а он бы продолжал хозяйничать как хотел.

Мы затаились на боевом посту. Вырос, гадёныш, возле па-секи, три года террора, столько вреда принёс – накручивал себя я. Расплатишься за всё разом. В этот раз мне промахнуться нельзя, гляди, Петро, в оба, не расслабляйся. А ночь такая тёмная, видимо, тучи закрыли небо... Минут 20—30 тянулось ожидание. Но вот вижу, отделилась тень от леса. Плывет, ни шороха, точно, идёт, крадётся. Резвость прошла, осторожность и внимательность. Я весь в прицеле, ожидаю, когда можно будет зажечь фонарик. Вот он уже просовывает голову сквозь ряд сентябринок, остановился и замер. Я включаю фонарик. Да, он, зажглись два светло-оранжевых фонарика в сентябринках. Всё точно, мушка в серёдке и на уровне прорези... Дожимай спуск, дотягивай, всё точно... Выстрел... И всё, тихо-тихо, и нету никаких фонариков.

– Ты куда стрелял? – спросила Люда. – Я рядом была и ничего не видела.

– Да, – не погнал я, – видел тень и глаза горели, вот и стрельнул между них. Видимо, попал, вона чёрное в сентябринках.

Видимо, ещё всё туманом заволокло, свет фонарика не

выделял никакого пятна в сентябринках. И она настаивала, пошли посмотрим. Мы слезли с настила, пошли смотреть. И только метров за 10 не доходя стало хорошо видно. Лежит с дырочкой во лбу.

– Надо же, – сказала она, – я не поняла и не поверила. Днём не смог и выстрелить, а тут такая темень и между глаз, я вообще ничего не видела...

Да, подумал я, чудес не бывает. И случайности бывают только у дураков и пьяниц. Мне, видимо, опыт помог или боги. Хоть и дорого взяли... Мы оставили всё как есть и пошли в палатку.

– Вот теперь, Люда, давай выпьем вина – снимем стресс и спать. Повезло и нам.

А про себя я подумал: пчеловодить в моём случае – это не только уметь пчёл водить. Нужно уметь их защитить, иначе повторишь судьбу Ивакина или Кротенко, что пасеку от медведей потеряли. В тайге выживает сильнейший. И я ещё могу постоять за своё. (А то брось пасеку. Давай 5 ульев поставим в огороде, и всё. Хватит нам таких забот и мёда хватит...)

Утром мы собрали разваленный улей. И пошли смотреть первого медведя. Следов было много, тропы. А капель крови мало и мелкая. Картечь и есть картечь. Далек отойдёт, нужно бросать искать вчерашний день. И времени нет, следить и рисковать. Ведь в кустах стрелять подранка, это не моё. Может, и есть такие ловкачи, но один-два на всю планету... Может, и выживет, но вряд ли. А скоро не придет точно...

Да, пел Бернес правильно. «И самолёты сами не летают, и теплоходы сами не плывут. И жёны (дети) не всегда нас понимают. Но, может быть, когда-нибудь поймут».

Да как всё бросить? Значит, заживо себя схоронить в безделии и без забот.

О кабанах

Не всем понятно, почему взрослых самцов кабана иногда называют секачами. От слова «засечь» – значит «зарубить». И действительно, рубят они охотников, а особенно собак.

Сейчас охотятся с карабинами, оптикой и тепловизорами, ночным видением, часто с вышек на подкормочных площадках, загоном и другими безопасными методами и с мощным оружием. И уже слово «секач» уходит в предание. В начале моих охот гладкостволки продавались без всяких разрешений, наличия сейфов и контроля, но был дефицит. Были сложности приобрести хорошую двустволку 12-го или 16-го калибра. Патроны снаряжали сами. Председатель общества охотников просто запишет тебе в билет номер и название ружья, если захочешь стать охотником. Вот и всё, плати взносы и покупай марки на разрешённую охоту по сезону. В ходу были одностволки, и то мелких калибров в промысловых районах. А ружья трофейные, с войны, иномарки – очень ценились. Охотиться я начинал ещё на Украине в шестидесятых годах прошлого века. И в семидесятых уже в приморской тайге. В те времена в Приморье охотились просто с подхода. Редко с большой сворой собак. Из своры в 8—11 собак всегда ищут одна-две, подают голос, остальные бегут на удержание от ног своего хозяина. После свора быстро переключается на мелочь, прошлогодка или поросёнка. За-

давят и тут же молча съедают. Так, что охотник часто и найти не может. Иногда достаются кости и остатки. Добыть с ними хорошего трофейного секача проблемно. Секач часто рубит собак легко и насмерть. Так что хорошо, если собак 2—3, но хорошо сработанных, опытных и уже когда-то раненных чушкой или секачом. Попробовавших на себе их оружие – клык.

Я в детстве начитался про знаменитых охотников, которые могли добывать зверя легко и просто, Улукиткана и Дерсу Узала, и других. Конечно же, хотелось научиться самому добывать зверя так же легко и просто. И я многому учился сам, поскольку проработал в тайге всю жизнь и охотился с 75-го года не штатным охотником-промысловиком в зимние отпуска, а с 93-го года – весь охотничий сезон. И сейчас являюсь любителем со своим охот участком.

Вот я и хотел поделиться опытом. Секач, как медведь и тигр, разворачивается в сторону стрелявшего и летит на охотника. Чётко определяет, откуда прилетела пуля, и со ста метров ошибается всего-то на 5—7 метров, хоть и стоял мордой в другую сторону. Тут уж кому больше повезёт. Нужно быть и хорошим стрелком, и иметь крепкие нервы, чтобы не шелохнуться и не выдать себя. И чтобы был в запасе хотя бы ещё выстрел. Так что лучше всего иметь хорошо пристрелянную пулю и двустволку 12-го калибра. А главное, точно и быстро стрелять. И приобретя ружьё, сразу нужно с него научиться этому. Более-менее точные пули появились в про-

даже относительно недавно. Когда стали обязывать военные заводы выпускать товары народного потребления (конверсия). Так что мне пришлось долго изобретать и изготавливать самому пулелейки, пули, картечь, дробь и заряды разного назначения. И проводить часть охот с одностволочкой 28-го калибра. После 80 г. уже имел 12-го калибра двустволку. Появились пули Полева, Рубейкина, «Кировчанка» и другие неплохие пули, бьющие до ста метров.

Я опишу случаи на охоте невыдуманные, не меняя фамилий, в которых так или иначе был свидетелем или участником, факты, может, кому-то будет интересно и поучительно.

Секач и Кезля

Снежок уже давненько покрыл землю. А для настоящих охотников это чувства и эмоции, которые заложены где-то глубоко в подкорке сознания, атавизм или бог его знает что. Но у некоторых мужиков-охотников это проснулось и требует выхода на поверхность. Страсть подраться, убить, сразиться, испытать себя и другие эмоции. У женщин – родить, а у мужиков – убить. У кого-то это проснулось, а кому-то их и не понять. Но мир так устроен не нами. Но не судите других и сами судимы не будете, сказано в Библии. Не люблю судей-фанатов, которые судят других на свой «аршин», и фанатов-«зелёных», которые «очеловечивают» почти всех животных, забывая, что человек уже тысячи лет их использует по назначению.

Трое хорошо мне известных мужиков снежка ждали с осени. Среди них был и мой отец. Опытный охотник и стрелок. Ездил на соревнования по летающим тарелочкам с 47-го и по 50-й год. И завоёвывал призовые места. Двое других были фронтовики и полны страсти к охоте, но стрелки похуже. Пули тогда делали сами или их дети. С отлитого столбика свинца в гильзу патрона, рубили на куски и молотком обстукивали до шарика. После обкатывали на двух чугунных сковородках и подстругивали ножом так, чтобы круглая пуля медленно, но прокатывалась по сужению на вылете ствола – не застревала. Тогда она и летела довольно точно и до ста метров. Особенно с цилиндра с напором или трофейных иномарок. Этим занимался и я. Для изготовления картечи свинец заливал в трубки из очерета. Палочки резал на мелкие столбики, их немного округлял молоточком. После также обкатывал на сковородках, сортировал по величине. Не все охотники готовились так тщательно к охоте, как отец. А если делать беспечно, то после допускали промахи, и подранки – это был их удел.

Нашли они след крупного секача-одиночки, который уже бросил стадо и бегал, изучал, где пасутся матки, когда загугляют и будут ли у него соперники. Его уже начал беспокоить инстинкт размножения. И потому он не лёг спать с ночи, а пробегал до утра, спать завалился под утро. Мужики обошли квартал леса, определили это по следам и примерное место лёжки, продумав ситуацию и место, решили брать загоном.

Двум обойти опять квартал леса и стать на расстоянии видимости, примерно 150 метров друг от друга, и ждать гонимого зверя. Левченко был слеповат, медлителен, да и стрелок не ахти, хотя везуч. Зверь часто шёл на него, но результат был плохой. И решили – гнать ему по следу. А отец и Кезля пошли, как говаривали, на стоюны, в предполагаемый выход, на гон зверя. Секач проспал, подпустил медлительного Левченка, тихо и без криков шедшего по следу, и потому быстро рванул убежать от неожиданности. Но расчёты, опыт и знание местности не подвели охотников. Как говорят, на ловца и зверь бежит. Кабан мчался в 30 метрах от Кезли. И он успел сделать два выстрела с тулочки 16-го калибра. Но пули не попали по месту прицела, а всё же хорошо ранили секача. Да и не так оно просто – завалить двухсот килограммового кабана кругляшом и дымным порохом. Крепок на рану – крепок зверь. И пока в нём ещё был испуг, выстрелы не больно укусили, и были неожиданные, он и не свернул, а продолжил бежать по намеченному пути. Но ранение оказалось серьёзным, одна из пуль прошла по животу, а другая задела печень. Силы начали покидать животное, он перешёл на ровный бег с остановками и прислушиванием. После очередной остановки и вовсе шагом пошёл. Мужики собрались, осмотрели место, стрельбу, кровь, попадания и протропили по следу приличное расстояние. И решено было не гнать, дать успокоиться зверю. Выждать с часок, обойти квартал (разграничение леса на квадраты четырех метровы-

ми просеками), в котором заляжет зверь. Охотники сразу делятся на две группы и обходят навстречу друг другу по просекам до следа, выхода зверя или встречи, если зверь залёг и не вышел с квартала. Обошли один квартал Кезля и Левченко с одной стороны и Илья – с другой. Встретились на следе. Кабан потянул кровавый след в другой квартал. Медленно с частыми остановками и даже уже пытался залечь недалеко от квартальной просеки. Всё, решили мужики, в этом квартале ляжет – точно ляжет, добывать будем тем же методом. И если сорвётся с лёжки, то и понятно, где будет идти.

– Мы перекроем с Левченко ему путь. А ты, Иван, пойдёшь гнать. Тебе и отвечать за недобитый горшок. Чтобы готовился к охоте серьёзней, стрелял лучше. Учись, тренируйся, с 30 метров упустить такую мишень, добычу непростительно. Пойдёшь тихо по следу, скрадывай молча. Возможно, залежится, подпустит, вот и исправишь свои ошибки. На охоту нужно готовиться, а не так на авось.

Иван и остался выжидать время, пока обойдут мужики квартал леса с обеих сторон и не станут на позициях. Перекрыть уход зверю. У нас говаривали, ждать и догонять – самое плохое время. Время тоскливое, тревожное... Но оно идёт, и Кезля выждал и тихонько пошёл по следу. А мужики сошлись, порадовались. В квадрате зверь, на нас и пойдёт, доберём. Есть надежда, если не затяжелел в лёжке. Заняли позиции и стали ожидать. Тихонько шёл Иван, весь собран, с остановками, всё просматривал впереди. Ружьё в руках, кур-

ки взведены, как говорят, на (товсь). И сердце стучало учащённо, вот невядалеке и граница квартала – просека. И мужики где-то рядом ждуг, ни выстрелов, ни сигналов не было. Развязка где-то рядом – но где? Может, ушёл мимо стрелков не замечен? Да гляди лучше, Ваня, чудес не бывает. Вона видна куча, должно быть, хвороста складомер, сгнил, наверное, старьй, копной выделяется. А снежок на ней вроде порушен, и след тянет к ней. Должно быть, там, за ней и улётся. А снег порушен, поди, пнул лычем, вот снег и порушился.

В той давно уже истлевшей куче хвороста жили муравьи и опустили в землю на зиму. А секач, обойдя её, развернулся на свой след лычем и забрался внутрь. Тише, точно, видимо, лежит за ней. Иван медленно тянул ногу по снегу и ступал мягко, и был весь во внимании, напряжении, пальцы руки ощутили курки. Метров семь не дошёл он до кучи. И вдруг эта куча начала разлетаться, как от взрыва, и из неё вылетает чёрный секач – торпедой на охотника. В мгновение он направил стволы в раскрытую пасть секача. И не заметил, что когда выставлял ружьё в рывке, и прогремел сдвоенный выстрел. Ружьё громынуло ещё не в секача, а где-то рядом. Но стволы попали в пасть, и зверь налетел на них. Секач припёр Ивана спиной к сосне. Кабан напирал на Кезлю, а стволы лезли ему в горло. Иван отчаянно сдерживал натиск секача и в ярости тянул за спусковые крючки, не осознав, что ружьё уже разряжено в воздух. Но выстрела нет, не заметил. А секач свирепел, хрипел и надевался на стволы, мотал головой

с клыками. Иван не робел, заталкивал стволы в пасть секача. Но тот напирал и мотал лычем ружьё и Ивана, полоснул одним клыком по мотне ватных штанов. Добрый лоскут от штанов и кальсон оторвался по швам от пояса и повис на коленях, обнажив голое брюхо. Мотнул секач головой ещё, и Иван ощутил на животе мокрый и скользкий удар лычем, и сильнее нажал на секача. Тот немного и начал слабеть, задыхаться и подаваться назад. Иван взглядом увидел весь низ своего живота в крови и кровавой пене. И тогда он испугался – «Вырвал он мне все кишки», – мелькнула мысль в голове. Древний славянский клич о помощи вырвался сам собой из его уст.

– Пробо, пробо, рятуйте. Братья!!! Засёк меня зверюга.

И руки ослабли, секач шагнул ближе и мотнул головой. Клык попал под чашечку коленного сустава, чашечка улетела в снег. Но вдруг секач рухнул замертво на живот перед ногами Ивана. Это пуля Ильи, попавшая в позвоночник, решила исход схватки.

Илья, услышав неестественный сдвоенный выстрел, понял, беда... нелёгкая припёрлась. И помчался на выстрел на помощь. Ещё до крика о помощи. Он видел конец схватки и стрельнул метров с пятидесяти.

– И чего ты расслабился, Ваня, я думал, сдержишь. Поближе подбегу, он всё равно задохнулся бы, ствол то в горло всадил. А ты кричишь, пришлось стрелять.

– Да я подумал, он мне все кишки и хозяйство вынул. Ви-

дишь, всё в крови и нога подломилась, печёт.

– Да цело твоё хозяйство и живот, вот колено ранено, не двигайся. Да отпусти ты ружьё, все руки посинели.

Нашёл Илья и коленную чашечку.

– Мочись, Ваня, на неё и терпи, я её сейчас на место поставлю.

Дорвали кальсоны на тряпки, замотали рану, кусок штанов приладили к поясу и помогли добраться до дома.

В общем, Кезля Иван остался с негнущейся ногой на всю оставшуюся жизнь, но на охоту ходил до старости. Руб-двадцать, руб-двадцать вышагивал, но не потерял дух и охотничью страсть.

Мой первый секач

В детстве я всё свободное от учёбы время старался жить в лесу с отцом. Он работал лесником и в то же время был и егерем на своём обходе по совместительству. Лазил я в волчьи логова за волчатами. Следил за пчёлами, ловил рои. Варил еду, собирал грибы и ягоды, и семена деревьев. Особенно на ягоды крушины много было заказчиков. Собирал и заготавливал лекарственные растения – это меня уговорил один заготовитель, и многое другое делал, помогал отцу. Об охоте и о секачах я много всяких историй слышал. И повидал я всякого зверя и птиц. А книжки любил читать про охоту. Кажется, летом ранее или двумя мы и ходили с ним на рысь-людоеда, я – приманкой, а он – стрелком, охотником.

Эту охоту я уже описал ранее.

Лет с 12 лет я и сам начал ходить с ружьём. Стоял на «тяге» на вальдшнепа. И по утрам отец иногда стал давать два патрона 5-й номер дроби 16-го калибра к его служебной одностволке. И я выходил стрелять горлиц. Как подходить к зверю или птице, отец объяснил мне: главное, что зверь видит только движения. Замедленными движениями и перемещениями можно обмануть и приблизиться. И подойти на выстрел, если ветер на тебя, то и обоняние им не поможет. У них ещё есть чутьё мощное, особенно они чувствуют взгляд, так что и глядеть нужно украдкой и долго взгляд не задерживать.

Одним ранним утром отец и разбудил.

– Просил, вот и вставай, два патрона на тумбочке, ружьё в углу, не тяни, уже светает. А может, уже и горлицы поют, а ты только просишь, разбуди да разбуди. А утром голову поднимешь и опять спать заваливаешься, даже не помнишь, что я тебя будил.

В то утро я всё-таки встал с какой-то тревогой и дрожью то ли от прохлады утренней, то ли от предчувствий. Прошёл я немного и вскоре услышал прррр-пур-пур, прррр-пур. В смешанном, но в основном сосновом лесу до 50 см толщиной у комля, стояли отдельные сосны до метра в диаметре. Их отец называл – семенники. Они возвышались над рядовыми соснами на несколько метров. На них-то и любили садиться самцы горлиц и перекликаться по утрам. Но что-то не везло

мне тем утром. Я вокруг одного такого семенника долго ходил медленно и всё же не мог её увидеть. Сердце замирало и бухало в груди и висках, когда она пела свою песню. Потом она замирала – слушала соперника. Я ожидал, не двигался. Когда она опять пела, я очень медленно переступал в новое место и опять всматривался в вершину сосны. Коричнево-жёлто-серая птица на фоне золотистых веток сосны. Но и ветки в вершине таких сосен возле ствола дерева по 15—20 см в диаметре. Так что и горлицу, там сидящую, не просто заметить с подножия дерева, а издалека и подалю. В общем, взлетела с противоположной стороны от меня, сделала медленный круг над сосной и мной, а поскольку я пытался стрелять влёт и двигался, она меня явно увидела. Я решил идти к её сопернику, лесом напрямик. Взлетевшая птица и соперник возобновили утреннюю переключку, встречая солнце песней. И вот уже довольно близко семенник, выделяется толщиной. Значит, ты там, в вершине. И я замираю прислушиваясь и начинаю скрад, то есть подход. Вот и песня – точно на ней, на этой сосне-семеннике. Сердце опять забилося тревогой. Ну, эту хоть не спугни, не торопись. Скоро и петь бросят, учись всё делать ещё тише и медленнее. Семенник тот стоял на возвышенности. Эта возвышенность тянулась линией метра три выше. Видимо, это был борт какого-то древнего ключа или речушки. В этом же поднятии метрах в ста были заброшены отцовские землянка, землянка-конюшня и малая полуземлянка для пса-бобика (русской

гончей). А ещё дальше был колодец с «журавлём». Так что место мне было очень даже знакомо, я помнил, как мы жили с отцом в той землянке.

Я тихонько, очень медленно поднимался на тот взлобок к сосне, что стояла на поднятии. Ружьё в правой руке. А главное, глаза не отрываю от вершины той сосны (семенника). Напряжение – дух захватывает. И вот я делаю шаг уже за эту сосну, к которой поднялся. Горлица затихла, я медленно подставил правую ногу к левой и тоже замер. Глаза в небе осматривают вершину семенника. Но тут меня охватывает какое-то беспокойство, чувство непонятное, но страшное, тревожное. Я опускаю глаза и сразу столбенею. Страшная картина. Прямо передо мной стоит секач, большой секач. Клыки торчат с лыча большие, сантиметров по 10—12, глаза красные смотрят не мигая. Лыч на уровне моих ступней. Он стоит в старом оплывшем продолговатом окопе. Под ним вся хвоя и листва изрыта. Он стоит и смотрит между моих ног куда-то вдаль, дыхание затаил и не дышит. Не дышу и я, окаменел от страха. И только сознание не отключилось, лихорадочно искало выход из создавшегося положения. Да и то, мне вспоминается, включилось не сразу.

«Не двигайся, медленно, очень медленно, но наводи ствол на лоб. – Я понемногу начал дышать. Но руки не слушаются, благо, и левая рука была на цевье ружья. – Наводи, наводи, медленно, наводи...» И я понемногу всё-таки вышел из оцепенения. Медленно начал двигать ствол ко лбу секача.

Сколько длилось это омертвление – мне казалось, вечность, а может, всего минута. Но вот ствол понемножку сдвинулся с мёртвой точки. Курок и был взведён, на случай взлёта горлицы. Глаза смотрели на конец ствола и лоб секача. А он смотрел между моих ног куда-то вдаль. Наконец-то лоб и ствол ружья оказались на одной линии. Жми курок, Петька, жми, другого выхода нет. И я всё-таки нажал на спуск. Выстрел грянул и окончательно вывел меня из оцепенения. Секач рухнул как глыба земли, на дно этой ложбины. Из дыры в его голове поднимался дым пороха. Ну вот, теперь бежим, бежим к отцу, быстрее к отцу. И я побежал к дороге, к колодцу. И от него уже по дороге что было сил побежал к домику. А бежать пришлось метров 400. Так что, стресс прошёл, только запыхался я, когда ворвался в домик. Отец ещё лежал в постели...

– Батьку, вставай, я убил большого секача! Страшно было, совсем рядом был, возле ног!

– Ну, и чем же ты его убил? Палкой, что ли?

– Да вот патрон, – и я достал из ружья стреляную гильзу.

– Ну, ну. А кто тебе разрешал брать пулевые патроны?

– Я не брал их, я дробью.

– Что, пятым номером дроби секача? И где он так тебя напугал, что горлицу промазал и теперь несёшь какую-то чепуху?

– Да убил я точно, никуда он не побежал, там и лежит. Возле нашей старой землянки.

– Да кончай брехать как бобик. Он и то так не врёт. Надо же, такое выдумать, и когда я тебя отучу врать, ну, стрельнул, промазал, патрон не жалко, а вот врать нельзя никогда, запомни на всю жизнь.

Я ещё пытался как-то рассказать, как оно было. Но он уже меня не слушал. А я не мог внятно рассказать.

– Ну пойдём, на месте разберёмся, покажешь, где и как он лежит.

А сам для моего воспитания взял в руку старый солдатский ремень. Ремня я не испугался и продолжал настаивать на своём.

– Да лежит он там, идём, посмотришь. Давай хоть ножи возьмём.

Там на месте разберёмся, до землянки недалеко... Он оделся, и мы вышли из избушки. Я быстро взбежал на тот подъёмчик и глянул в тот окоп, самому не верилось, вдруг убежал.

– Вот он, батьку, на месте лежит, не сбежал.

– Ну, твоё счастье.

Он бросил на него хорошую палку. Где и когда он успел её выломать, я так и не заметил в пути.

– Ты смотри, а я и не верил. Как же так получилось?

– Не знаю, батьку, как мне удалось медленно нацелить ружьё. А сразу окаменел, как его увидел, рядом стоял, вот здесь, и пальцем шелохнуть не мог. А после оправился и, с рук стрельнув, к плечу приклад не прижимал.

— Ну и молодец, что нашёлся, если бы ты резко повёл ствол и приклад к плечу потянул, не успел бы. Он бы тебя зарубил. Молодец, надо же так. Теперь пошли за ножами, а лучше его опалить паяльной лампой в конюшне. Так что Бурчика возьми с собой и постромки, он вытянет и дотянет. А нам с тобой его и вытянуть с этого окопа не удастся.

Так мне удалось преодолеть страх (столбняк). И после по жизни меня часто выручала голова. И это спасало в экстренных случаях. А они были, и не раз. А врать я точно перестал навсегда. И о том никогда не жалел.

Чушка и Полежаев

Но не только секачи кидаются на стрелявшего. Был и с чушкой случай. Геологическая партия таёжной экспедиции делала геологическую съёмку в районе падения железного метеорита в 46-м году. И вот 25 октября закончился полевой сезон. На базе партии оставили зимовать возчика с лошадьми Полежаева и сторожа. Полежаев был не только хорошим возчиком (коневодитом), а и страстным охотником. Ноябрьские заморозки сковывали землю и воду. Наконец-то землю покрыл снежок и притрусил-то всего ничего, сантиметров 5—7, не более. А это для охотника радость и открытое откровение (письмо). Любой зверёк тайги оставляет свой след. Иди, читай и радуйся жизни, если можешь. В такую пору не удержать охотника дома. А жизнь и смерть, они рядом ходят.

До этого Полежаев поймал жирного барсука до залегания.

Его тушку они давно уже съели вместе с Толей-сторожем. А жира натопили полтора литра. Всё-таки радость была, консервы обрыдли за полевой сезон. Вот и дождались письма с неба – снежка. Трудно ведь подходить к зверю по сухой листве, накрывшей до этого землю.

– Ты сиди, Толян, дома, на контрольную связь по радиии выходи. А я пойду с утра пораньше, может, чего добуду, зверя много, тайга ещё дика вокруг.

Он взял ружьишко 28-го калибра, еды на обед и пошёл читать книгу уссурийской тайги.

Встретилась ему старая чушка. В этом году по весне у неё ещё родилось два поросёнка. Но один уже был «последыш», мал и толком не рос, она ревностно охраняла их от всех бед и невзгод. Чуяла, что последние, учила всему, что знала. Род должен продолжаться, и нужно всё передать. Но вот что-то неожиданно резко полоснуло возле сердца по лёгким. Это пуля Полежаева резанула. Она сразу всё поняла. Каким-то чутьём или уголком зрения засекала охотника, он лихорадочно двигался. Развернулась и с места ринулась к охотнику. Полежаев быстро перезарядил одностволку без инжектора. Но не успел закрыть ружьё с другим патроном, как чушка подскочила и ударила его лычём по ногам. Он упал как подрубленный, и ружьё вылетело у него из рук. И не успел ещё ни подняться, ни опомниться, как резкая боль два раза вошла в задницу и ляжку ноги. Левый клык чушки два раза разрубил мякоть зада сквозь ватные штаны и подштанни-

ки, пропорол мякоть до кости. Под снежком был замёрзший ледок, чушка скользила по нему. Полежаев легко отлетал и юзил от удара по льду. Чушка подбежала вновь и начала бить его правой стороной лыча, на которой уже давно клыки потламывались от времени, что и спасло охотника от неминуемой гибели. Она в ярости била и катала его по снегу, пока он и не утих вовсе, а она легла рядом и дошла, пуля сделала своё дело.

Много крови выбежало через раны, но Паша пришёл всё-таки в сознание. Подобрал ружьишко, разрядил и, опираясь на него как на палку, побрёл к жилью к Толе. Каждый шаг давался с трудом, тяжело было дышать сломанными рёбрами. Кровь запеклась в обуви. Несколько раз падал, терял сознание. Но поднимался и шёл. Он твёрдо знал, что только идущий дорогу осилит. Благо, идти было не так уж и далеко. Дверь он открыл и потерял сознание, свалился под ноги Толе. А когда пришёл в себя, Толя его уже раздел, уложил на полати и отмывал раны.

– Курнуть дай и чаю крепкого, сладкого. И не охай. Топи жир барсука, раны раскрывай и заливай горячий жир. Вечерней связью пока ничего не сообщай в экспедицию. Утром посмотрим. Подкинешь дровишек в печку и за мясом иди по моему следу.

Вывозил его вертолёт в больницу с. Роцино. Охотник выжил и ещё несколько лет исправно водил лошадок с вьюками, перевозил груза геологам. А охоту не бросил, только 28-

й сменил на 12-й калибр. Уж больно мал 28-й для крупного зверя...

Я в поисковой партии

В 75-м году меня на сезон перевели в поисковую геолого-съёмочную партию. Работали в долине реки Малиновки. Можно сказать, в девственной приморской тайге, ещё не пиленной лесорубами. В поисковых партиях самый неустроенный быт. Геологи отрабатывают площадь и передвигаются на новое место жизни и работы. База обустроивалась с площадок, куда мог садиться вертолёт Ми-4 или могла подъехать машина. А с базы груза перебрасывались по тропам лошадаками с выюками. Все пробы и образцы пород лошадаками свозились на базу. Геологи долго не жили на одном лагере. За полевой сезон несколько раз переселялись и обустроивались на новом месте. Жили в основном в накомарниках. Это бязевый или марлевый домик 2,2 м на 2,0 м и высотой 1,2 м. Его устанавливали на метровой высоте на настиле из жердей. И над ним натягивали лоскут брезента от дождя. Вот и всё жильё, и место работы. Работали в тайге весь световой день. А в дожди жили и обрабатывали полевые материалы под этим клочком брезента. Утром выходишь и сразу весь мокрый от росы, а после, высохнув, становишься мокрым от пота. Ходьба по сопкам с рюкзаком, который на каждой остановке всё утяжеляется от образцов (камней проб и прочее). К вечеру он мог достигать и 25—30 кг. Портянки и одежду сушили

своим телом под спальником. Варили по очереди кто чего умел, в основном из консервов. В общем, романтики полные штаны. Я, чтобы как-то улучшать свой быт, имел свою ручную пилочку, топорик и имел навыки ими работать. Вскоре я принёс с базы сам двухместную палатку и небольшую жестяную печурку с трубами. Сделал основание из сухостойных ёлок и на нём каркас из жердей. На него и натянул палатку. В ней установил печку. Построил небольшой столик и нары. Старший геолог В. Кочкин сразу окрестил меня барином.

– Ничего себе геолог. У него есть всё, нормальное жильё, печка, столик и даже керосиновая лампа. За что ему полевые надбавки платят? Я пишу на коленке у костра, обогреваюсь двумя медицинскими грелками под боком, а у него ни комаров, ни холода. И есть где сушить одежду и портянки.

Мне непонятным было то старшее поколение геологов, которые жили по песне («...раньше думай о Родине, а потом о себе»). Но они были, жили и так работали. У них было такое объяснение. Наши отцы погибли и выиграла такую войну. И мы должны сделать что-то важное для других, для Родины. Уют они презирали и на других смотрели с презрением.

– Э, да ты, парень, с такими запросами и баню захочешь в полях.

– Конечно же, хочу, – ответил я тогда, – а как же без неё? Включе вода холодная, а хочется и расслабиться, и попариться, не всё же только работать. И за день 100 потов выходит,

смотри, энцефалитка высыхает и на ней белая соль.

– Да, с такими запросами, парень, возчик с лошадами должен будет возить груза только на одного тебя.

– Да ладно, я сам своё приносил на себе. А вам для себя просто не хочется пошевелиться. В институте учат геологии, а чтобы жить в тайге, необходимо владеть топором, молотком и пилочкой.

Конечно, я знал, что люди стадные и должны помогать друг другу (обязаны). Но и себе минимум уюта нужно создавать самому. Была ещё одна песня, в которой были такие слова («Надо, надо, надо нам, ребята, жизнь красивую прожить. Что-то главное, ребята, в этой жизни совершить»). Для них и для нас слово «надо» было магическим. Надо для Родины, и всё тут сказано. Так нас воспитали.

Вскоре я нашёл в километре или полутора от лагеря в кустах старую буровую площадку. На ней валялись две двухсотлитровые бочки со стальной буровой дробью. В одной дробь была ещё в масле, и я легко её опорожнил. Во второй пришлось вырубать верх и запёкшуюся заржавевшую дробь долбить. Но бочки я перекатил в лагерь. Возчик Пекур поддержал мою идею с баней и привёз солдатскую десятиместную палатку. Я и начал строить баню. Вот тогда я и познакомился со знаменитым проходчиком канав в нашей экспедиции. Он подошёл и спросил:

– Что вы хотите строить? Баню? А нам можно будет мыться?

– Конечно.

– Тогда чего нас, работяг, не зовёшь на помощь?

– Звать значит нужно платить, а у меня денег нет. И я на рабочих наряды не закрываю.

– Тогда я всех соберу, можно?

– Помогайте, если хотите.

– Я слышал, тебя Петром зовут, а меня Володей. Ну, вот мы и познакомились. А ты откуда родом?

– Да издалека я, с Украины.

– О, земляк мой. А с какой области?

– Черниговской.

– А район какой?

– Козелецкий.

– Ну, совсем мы братки. Моя деревня от Козельца в сорока километрах стоит.

– Ну, а моя километрах в семидесяти.

Вот так встретились земляки, как брата встретил...

– Вы давно от тех мест?

– Можно сказать, с 69-го года.

Поговорили мы по душам, и выяснилось, что и он большой любитель охоты и уже давно уехал с Украины. А вскоре он и собрал почти всех рабочих, и мы до темноты соорудили баню.

В. Кочкин строить баню не помогал принципиально. Но вскоре зауважал меня по работе, и нам легко было общаться и работать. Но я всегда удивлялся, что он, как собирався в

баню, по 2—3 раза каждый раз спрашивал:

– А можно и мне сегодня помыться?

– Да мойся, когда захочешь. Чего спрашивать-то, когда хочешь, топи и мойся.

– Э, нет, баня твоя.

– Считайте, как хотите, и мойтесь, когда хотите.

– Нет уж, я и всем рабочим сказал, что баня твоя. Я уже 16 сезонов отработал на съёмке. Душ мы устраивали из автомобильной камеры от «Урала», а вот баня впервые, и сделал её ты.

Вот такой у нас был быт и работа, но на судьбу мы не жаловались. Варили по очереди утром и вечером всё из консервов и кто чего умел варить. На обед брали с собой опять же консервы и чай. Оплата труда у ИТРов были оклады, и довольно малые. За месяц больше половины проедали. А рабочие получали за выполненный труд по нарядам. Им, некоторым, закрывали наряды до потолка (300 рублей). Многие ИТРы отработывали 3 года (обязаловку за то, что их государство обучило) и уезжали. Текучесть кадров была очень большой.

С Пекуром мы договорились выбрать время и сходить на охоту. Тайга вокруг кишела зверем. Но у меня были большие объёмы работы, и частые дожди не давали опережать планы. А у Пекура до нашего знакомства тоже не очень-то было выкопано канав (за выкопанный куб породы у проходчиков получалось от 90 копеек и до 1,20 рубля), и норма выработки у них была 120 кубиков на месяц. Но Пекур накапывал

до потолка, то есть примерно 250—300 кубов. Таких работяг было очень мало в экспедиции. Причём работал он, как правило, всего-то дней 15. И в этом месяце он много дней пропьянствовал и сходить нам на охоту не получалось. А на следующий месяц он появился в партии только двенадцатого числа. Дома лежал на кровати и под ней два ящика водки, проснётся, догонится и опять спит. Пришёл весь чёрный, тощий, трясущийся и сутки с палатки не вылезал. У него тоже была своя маленькая палаточка. Отпивался чифирём (50 г пачка чая «Индийского» первый сорт на большую кружку кипятка). И опять ему некогда. Нужно было до двадцать пятого накопать больше всех. Он никому не хотел уступать своё первенство. А был у него соперник Вася. Всё хвастал до появления Пекура:

– Ну, теперь-то я его за пояс запишаю.

Крепкий и кряжистый был мужик, и молод.

– У меня, мол, уже больше сотни будет, а Володи всё ещё нет.

А Пекур уже пенсионер, среднего роста и весь высох от работы и водки. Вот только мышцы на руках и какая-то природная выносливость, резвость и скорость в работе, и сила. Правда, и на ногах мышцы (у сапог все голяшки распороты ножом, голень не входит). Но вот к концу месяца он опять Василия обогнал по кубам. И подошёл ко мне:

– Ну так как уговор-то, в следующем месяце мы с тобой на охоту ходим аль нет?

– Да когда, Володя? Ты же опять дней 10 будешь пить, а после захочешь быть первым. Накопать больше всех.

– Э... да ты меня не знаешь. Я, конечно, пью горькую, и помногу, но это от безделья. Будет дело, я брошу и появлюсь в партии раньше. Без дела я не могу сидеть и жить, а копать больше, не закроют более потолка, а после и расценки срежут. Это я уже проходил, знаю. Ребята и так на меня обижаются, из-за меня расценки и резали.

Видимо, он вспомнил тот случай, когда задумал съездить на родину повидать мать. И тогда он накопал за месяц ни много ни мало, а сравнимо с трактором – 750 кубиков канав. И 120 погонных метров шурфов (что тоже норма на человека на месяц). Шурф – это яма 1,2 на 1,2 м и глубиной до коренных пород. В основном 2—3,5 м. Конечно, два раза прилетала комиссия, писали объяснительные и протоколы. Дело в том, что даже рабочим нельзя было платить больше 300 рублей в месяц. А ИТРы были на фиксированных окладах от 90 до 130 рублей. А он стоял на своём – платите, я заработал. В итоге и срезали расценки на кубик выкопанной канавы по горным породам. Ему тоже заплатили только какую-то часть. Мол, он придумал как-то подставить железный лист и не кидал лопатой, а прямо от кайлушки порода ползла по листу с канавы сама.

– Ну, если у тебя будет время, то я уже графики опережаю, точно сходим.

Он опять выехал домой 26-го, но появился пятого с собач-

кой и ружьишком. Вскоре мы сходили на охоту, но собачку он обманул, привязал возле канавы и кое-каких его вещей и продуктов. И нам повезло, я убил небольшого кабанчика.

И был у нас праздник. Кочкин снарядил двух рабочих в ближнее село – продать часть банок тушёнки, каш с мясом и купить водки. Вот мы и выпили вечером – раньше поуходив с работы. Но праздники редкость. А тут и необычная задачка подпёрла. Рудное тело уходило под большие осыпи. Я Валентину и говорю:

– Нужно бросить, не вскрывать, глубокая будет канава, метров шесть, а то и восемь. Да и руда-то хренова, один только разлом земной коры. Зачем его вскрывать?

– Ильич, ты не прав. Комиссии по приёму полевых материалов ничего не докажешь. Я уже столько раз сдавал полевые материалы и отчёты, знаю. Скажут, вы зря потратили кучу народных денег и спокойно прошли мимо руды. А значит – мы с тобой дерьмо, а не геологи. И будет нам большой минус, оправданий наших не примут. А я, Валентин Кочкин, ещё за отчёты и полевые работы троек не имел. И в институте тоже троек не имел. А тут вообще полевые работы могут не принять, задробят всю нашу полевую работу. Там рудное тело и нужно опробовать – что в нём... Мы попадём в неё (зону) десятиметровой.

– Да такую глубину нужно копать с двойным перебросом породы. С двумя полками, угол стенок 60 градусов – золотая канава по кубикам получится. И кто её пройдёт?

– А Володя Пекур же у нас работает, вот его и уговорим.

– А камешек может свалиться с выброса или с борта канавы, и нет нашего Пекура, голову пробило. Забыл ты жену Скипор. Так у неё был шанс отскочить в сторону, на дороге документировала обнажение. А с канавы куда отскочит, куда деваться?

Вечером пошли к Пекуру.

– Ну что, Володя, сможешь?

– Да, сложновато будет, да и ошибётесь, ещё метра два будете добавлять, я знаю. И глубина может и не 6 м, а больше быть. Хорошо, если в носок канавы добавлять будете, а если в пятку, там глубже будет. Да и неизвестно, шесть или больше получится? Когда уговаривают, всегда поменьше говорят. Я знаю...

– Да сочтёмся, Володя, не обидим тебя, но надо, для Родины надо... И пойми, за какой хрен мы здесь несём все лишения цивилизации, не из-за денег же. У нас же оклады знаешь. А тебе мы заплатим. Ты же паспорт таких канав знаешь?

– Знаю, конечно. Но и моё условие – закрывать наряд будете, как положено, по паспорту, а я выкопаю как знаю. И к концу третьего дня чтобы пришли принять, а то не постоит – завалится.

– Да, Володя, тебя же может камешком вернувшимся и убить, и стенками задавить. Стоит ли рисковать? – пытался вразумить его я.

– Ну, раз уж надо, то и сделаю, да и деньги мне дармовые

не помешают – приписка будет.

Я столкнулся с этим впервые. Но к вечеру третьего дня пошёл с прибором опробовать. Скажу честно, мне было страшно в ней и жутко. Средняя глубина была восемь метров. А в пятке – девять. Полотно 65 см, а сверху ширина около трёх метров. Опробовал я её быстро прибором, наметил бороздовые пробы и вылез по суковатой макушке дерева, поставленного в угол канавы, с дрожью в теле и стучащим сердцем где-то в висках. Прибор вынес из канавы Пекур.

Кочкин пошёл на канаву утром следующего дня и вниз не спускался. Просто светил в неё фонариком и рисовал, а Володя ему отбивал образцы пород и проводил нужные замеры, бороздовые пробы он отобрал ещё вечером после меня и вытащил их на поверхность. Канавы начали заваливаться в конце их работы. Вечером я Кочкина спросил:

– Ну, побывал ты в той канаве?

– Да что я, дурак совсем?

– Всё-таки ты ловок, брат, чужими руками жар вынимать, – обвинил я его.

Вот таковы были Пекур Владимир и Кочкин Валентин. Я думаю, что и работая на галере Володя работал бы легко, грёб веслом, не уставая и не унывая, раз надо для Родины.

В тот год экспедиция по основным трём показателям (прирост полезных ископаемых) заняла первое место по Союзу. И меня с Кочкиным отметили в приказе среди лучших работников. К нам в партию приезжал корреспондент. Брал

у нас интервью. В итоге повесили наши портреты на доску почёта. И была статья в краевой газете и приказ по министерству. По которому мне и присвоили звание (заслуженный) работник.

Но вспомнил я всё это из-за секача. К тому времени я научился владеть ружьём неплохо. И пулелейку сделал к двадцать восьмому калибру, точную, до ста метров. Правда, попытки с 5—6-й, но это уже неважно. Поскольку наша промышленность к тому времени ничего лучшего и на 50 м не делала. Может, была такова установка сверху. И я неоднократно попадал в ситуации на охоте, скажем так, плохие и наносил вред и себе, и природе. Потому как два зимних отпуска охотился любителем по договору с коопзверопромхозом. И понял, что охотник должен быть хорошим стрелком и иметь точное оружие, прежде чем идти на охоту, а раз понял и решил, значит, я и работал над этим.

Но вот уже и жёлудь начал падать на землю. Наконец-то мы с Пекуром вышли на охоту. С нами пошёл его пёс (Дружок). Обычная дворняга. Я был против.

– Теперь уже поздно. Он ружьё увидел. Теперь он на цепи никому покоя не даст. Будет выть и рваться, а то и ошейник снимет и нас догонит. А мешать он нам не будет. У него болячка на левой передней лапе кровит, так что он, видишь, на трёх идёт. А прикажу, и он от меня никуда не отлучится. Будет идти сзади нас.

– Ну, тогда пусть идёт, – сказал я.

А пошли мы по конной тропе, особо не заморачиваясь куда идти. Дело в том, что охотник он был плоховат, но очень азартный. Он считал, что ни о чём на охоте думать не надо. Иди и смотри. Главное, нужно вовремя оказаться в нужном месте. А там уж не зевай, Фомка, пока ярмарка.

Прошли мы с ним около двух километров. И вдруг он занервничал. Снял рюкзак и начал его содержимое проверять. Я ему: чего случилось?

– Да курево, запас забыл, а в кисете уже одна пыль. Надо же, впервые. На столике оставил запас.

– Ну и ладно, поживёшь день без курева.

– Не смогу, пробовал, и часа не смогу. Петя, ты подожди с Дружком минут 10—15 от силы, и я прибегу. Ей-богу, долго ждать не придётся.

Он и работал, и ходил с этой «козьей ножкой» в зубах. Бросил рюкзак и ружьё и приказал Дружку стеречь.

– Не ходи, – говорю ему, – дурная примета возвращаться.

– Пойми, не могу без курева. Да ты не успеешь и отдохнуть, я прибегу.

И правда, он вскоре вернулся и опять завернул козью ножку толщиной в палец, и раскрасневшееся лицо засветилось радостью, не усталостью.

Эх, после я больше в своей жизни не видел такого пенсионера, чтобы так бегал, и, наверное, уже не увижу.

О его азарте и смелости я уже гораздо позднее слышал рассказ человека, работавшего вместе с ним в Береговой

партии. Пошёл он на рыбалку вниз по р. Арму и захватил с собой ружьишко. Эта же двустволка двадцатого калибра, что и сейчас. Отошёл от партии километра три, если не более, до тополя, так называли место. И напоролся на свадьбу бурых медведей. Да и увидел-то поздновато, медведица уже встала на дыбы и пошла на него, как говорится, «на вы». Убегать в таких случаях – это верная гибель, как мышонка задавит.

Я думаю, что была бы у него в руках не двадцатка, а обычная рожна, он всё равно бы не отступил, а попёр бы на медведицу, как деды хаживали на берлоги. Он снял ружьё и выстрелил ей прямо в сердце почти в упор и с обоих стволов. Медведица рухнула, благодаря только тому, что вторая пуля задела позвоночник, в другом случае она бы успела его изломать, а другие медведи начали разбегаться. Два из убежавших забрались на разные тополя. Видимо, это были пестуны, но не сеголетки точно. Он, конечно, начал стрелять и их. Одного он сшиб сразу со второго выстрела. Ну а второго стрелял несколько раз, пока не закончились патроны. А медведь не падал. И это его привело в ступор. Он тут же побежал в партию, схватил патронташ и, выбегая, в дверях встретил рабочего, с которым жили.

– Ты куда это, такой заполошный с патронами?

– Да там, на тополях, медведи, – ответил Пекур и побежал.

Тот собрал ещё двух мужиков. Взяли ружьишки и пошли догонять Володю. Но пока они пришли, он уже заканчивал свежевать медведицу. Когда он подбежал к медведю, кото-

рый не упал с тополя, он ещё раз в него пальнул. И только тогда понял, что медведь-то мёртв, но его заклинило между веток, и потому он не падал.

– Вот что, Володя, теперь ты пойдёшь впереди, потихоньку, как я шёл, заодно отдохнёшь и накуришься.

– Я не могу идти медленно, как ты. И всё от меня убегает.

– А ты иди так, чтобы успевать всё осматривать вокруг, и останавливайся, когда не успеваешь. Благо, ветерок нам боковой, так что шанс увидеть зверя есть.

Тайга в то время была не рубана и кишела всяким зверем.

– А я буду тянуться за тобой метрах в 15—20, тоже всё буду просматривать.

Мы и пошли далее в таком порядке. Володя, за ним Дружок и поодаль я. Но вот на каком-то переломе рельефа (незначительной гривке) Дружок исчез из-под ног Пекура. Мы замерли, стали на месте, как шли. И тут же раздался один гав Дружка. И сразу же треск сучьев и его вой. Плаксивое такое ай-я-яй, ай-я-яй, ай. Ещё какая-то доля секунды – и я увидел Дружка, а за ним бежал секач. Буквально метрах в 2—3. Я вскинул ружьё и начал целить. Тут же отметил, что и Володя развернулся и начал прицеливание. Мелькание деревьев и кустов мне не давало дожать спусковой крючок уверенно, я не успевал. Но вот гроыхнул выстрел Пекура. Кабан как-то немного сбавил темп бега, и я тоже выстрелил. Секач тут же и рухнул на месте. Оказалось потом, это было

уже в пяти метрах от Пекура. Дружок уже подбежал к нему под ноги. Я взглянул на Володю. Он стоял и улыбался.

– Ну, как я его, видал? – произнёс он.

– Да видал, конечно.

– А ты чего не стрелял?

– Да и я тоже стрельнул.

– Что-то я не слышал твоего выстрела.

– Вот после тебя сразу.

Мне показалось, он немного притормозил, и я тоже стрельнул. Я раскрыл ружьё и вынул с патронника ещё дымящуюся гильзу.

– Ты смотри, я и не слышал.

– А ты второй раз чего не стрелял? Ещё секунда, и тебя бы он сшиб и распорол клыком.

– Да, если честно, то не успевал поймать его на мушку, быстро бежал и близко, и Дружок мешал. Да и зачем, он же рухнул как подкошенный?

Мы осмотрели добычу. Но прострел был всего один: возле уха вошла пуля, явно моя. И настроение у него упало. Он даже покраснел, от стыда, наверное.

– Да, не ты бы, и покатал бы он меня на клыках, Дружок-то между ног у меня пробежал, а он почти его догонял. Да, хорошо ты стрельнул. Я ведь сразу понял, что с тобой можно куда хошь. Дела делать и на охоту, и хоть на медведя.

– Ты леща мне кидаешь лишнего в мою корзину, мы с тобой ещё мало соли съели. Когда же ты понял?

– А вот, когда ты один для всех баню строил. Кочкин нам сказал, что это личная баня Петра, не помогайте «барину».

– Ну да ладно, не горюй ты, промахнулся и промахнулся, в таком случае каждый может, не на стенде. Да и какая разница, кто убил, мясо-то на котёл добывали...

И мы начали свежевать. Он ещё пару раз произносил: как же так получилось, промазал, в такую тушу и так промазать. Я стал вырезать кабаньи яйца и смотрю – а одно яйцо прострелено.

– Володя, пошли осматривать его бег.

И вот метрах в семи-восьми от кабана ветка на земле. А на ней борозда от пули. Видимо, круглая пуля прошла под лычём, ударилась о лежащую ветку на земле, отрикошетила вверх и пробила секачу яйцо. Он и сбавил темп бега. И мне удалось поймать его голову в прицел.

– Видишь, не было бы твоего выстрела, и мне бы пришлось стрелять по твоим коленям. Да, крупный секач и клыки-то, ранее таких не видал.

А я второй раз в жизни увидел такое сало на секаче. Первый раз видел на старом, который уже за самками не бегал, а тут глаза не верили – в два добрых пальца. Может, у него что-то было не в порядке с половой системой? Так или иначе, но получилось семь рюкзаков мяса с салом, и в каждом было не менее чем по 25 кг.

Дружка я прооперировал после. В том чудном наросте на лапе оказался острый треугольничек стекла. И он ещё долго

послужил Пекуру. И был на нашем участке ещё один праздник и с песнями до полуночи.

Отступление и размышление

Были у меня ещё два случая, когда я один добывал крупных секачей и они падали возле моих ног. Одного я стрельнул метров с 80. И он развернулся на меня, но и вторая пуля в это время вошла в него. И пока он нёсся ко мне, я и успел ещё перезарядить один ствол и замереть на месте с поднятым ружьём. И уже метров с 10 стрельнул третий раз. Может, он ещё успел бы сбить меня с ног и распороть. Но третья пуля перебила ему переднюю лопаточную кость. И он упал с храпением и яростью возле меня.

Второй похожий случай: стрелял метров с 70. Всё это происходило в старом лесе. После порубов росли густые молодые ели и кустарник. Так что, шансов, просветов чистых было мало. Но, может, мне везло. Второй выстрел был уже рядом. Когда секач почти пробежал меня в 5 метрах и застыл на месте, я и стрельнул ему в ухо. Я охотился уже тогда один, без напарников. Перестройка всех размела. Так что, мало ли что можно (намолоть), бумаге на всё наплевать. И ничего такого необычного вроде и не было. Кроме такого вот большого подъёма – радости. Какого-то великого чувства победы, что ты ещё что-то можешь. Ты ещё силен и велик в охоте. И не бойсь, надейся на себя и своё оружие и не бросай охоту. Ты ещё мужик, и всё тебе по плечу. И в голове всплывает песня: «Чёрный ворон, ты добычи не добьёшься, я казак ещё

живой». Охота за зверем – это борьба двух интеллектов. Конечно, важно хорошо стрелять и быстро перезаряжать хотя бы ещё один патрон. А когда не успеваешь, надо понять, когда уже нужно замереть и не двигаться. Зверь стоит возле тебя, стоит и тоже затаился в ярости, и его бесит твой запах. Но он тебя вычисляет, а видит нечётко. А ты медленно уточняешь прицел... и после «летаешь», ты на седьмом небе. Есть ещё порох в твоей пороховнице. Это не передашь словами. И, конечно же, не из-за добытого мяса, как некоторые думают. Но вот из-за таких охот и ходишь за зверем.

На секача с Кайдаловым

Какое-то время зимними отпусками моим напарником по охоте был Кайдалов М. Ф. Ходили мы с Фадеичем вместе, гуськом. Один он боялся ходить. Но когда я находил свежий след и решал, где сейчас находится зверь, как и с какой стороны мы будем к нему подбираться и где будем начинать скрад, то всегда поддерживал моё решение. Он хорошо параллелил мне, дублировал мой скрад, но уже в 50—80 м. И у нас иногда неплохо получалось. Стрелок он был неплохой, но по мелкой дичи. Когда же крупный зверь оказывался в его видимости или недалеко, то это был явный промах. Его внезапно начинало трясти. Спешка, азарт, а может, и жадность. Но он начинал палить, не видя прицел и просвет для пролёта пули, а только мушку и силуэт зверя. Часто были подранки. И нам приходилось по дню, а то и два – добирать. И это меня удручало. Я пытался его вразумить, но он не считал, что

это важно. Или у него наступало такое состояние, что голова отключалась...

Всю свою жизнь, после армии, он шоферил (а служили тогда по 5 лет). И к 50 годам уже был полной развалиной, с букетом всех болезней. Но мы как-то разговорились.

– О, я тоже любитель охоты. И парнем до армии и после по выходным. На уток и гусей по молодости ездил. И за косулями хаживал. Возьми меня с собой зимой.

– А ты пойдёшь на пушнину и зверя?

– Пойду, если возьмёшь.

И я взял его с собой. Вначале он не мог пройти с рюкзаком и 300 м. Но не сдавался, ложился прямо на снег, отлёживался и вставал, и за день дотащил свой рюкзак до барачка (примерно 2 км от мотоцикла). На следующий день отлёживался. Не горюй, Миша, подбадривал его я, в конце сезона с таким вот рюкзаком и пойдём пешком напрямик домой. Всего-то 25 км будет. Он обижался:

– Не дразни душу, не смейся над моей слабостью, вот доживёшь до моих лет, я посмотрел бы на тебя. И зачем я, старый дурак, согласился. Сидел бы по выходным на печи и плевал в потолок. Не слушал жену, дурень...

В конце того его первого сезона нам и точно пришлось выходить на лыжах пешком по компасу. И он легко преодолел этот поход и забыл почти про все свои болезни. И денег мы не заработали, и мяса добыли немного. Но он понял главное: поддерживать своё здоровье нужно не на каких-то

там курортах, в домах отдыха и лечебницах, а на охоте. А он часто до этого ездил на лечения и курорты, дома отдыха. На охоту я тоже хожу не за деньгами или мясом или удовлетворить свою страсть, агрессию убивать – в первую очередь, поправить здоровье и отдохнуть от работы, дома и почувствовать себя мужиком.

Вот такой у меня появился напарник. После он ждал отпуска и первого снега, как манны небесной, как глотка воды в жаркий денёк. В тот год мы с ноября и начали охоту. Начали ставить капканы на пушного зверька, по ходу начали стрелять белку. План-задание от коопзверопромхоза был серьёзным. Нужно было выполнять, иначе отдадут участок другим. Уже два года не было на участке следа кабанов, и у нас пропадали лицензии. До этого свиная чумка prošлась, точно никто не знает. И коопзверопромхоз так никак и не реагировал в этом плане. Продолжал выдавать задания на добычу. Два года назад я находил весной две кучи мёртвых кабанов в гайне. Как спали зимой, так и помёрзли. Но это уже другая тема, большая и больная. Один раз осенью того же года я нашёл жирную большую чушку, без всяких признаков ранения. Как бежала, так и легла замертво.

В декабре гон у кабанов начался. А на участке и следов не появлялось. Как-то шли мы уже к вечеру к барачку по капканной тропе. Недалеко от барачка проходили древние переходные тропы кабанов. И вот, большая неожиданность: большой табун кабанов пересёк днём наш утренний след.

– Вот, Фадеич, смотри, и на нашу улицу свадьба кабанов пришла. Должно быть, с песнями. Голов в 60, не меньше. А я уже думал, они исчезли вообще с нашего района. Завтра догонять пойдём, далеко не уйдут. Возьмём паёк на 2—3 дня, пилочку, топорик, котелки и прочее. Может, и ночевать в тайге придётся. Но этот шанс упустить нельзя – два года лицензии пропадают, мы же за них платим. Да, могут уйти далеко, не догоним. Сейчас гон в разгаре, матки обгуливаются, у них остановки долгие, с драками и криками, услышим издали. Подойдём на выстрел. Догоним, на то мы и охотники.

Рано утром мы и вышли по их широкой утоптанной тропе. Километров 10 тропа была одна, и нам легко было идти по утоптанному снегу. Но вот кабаны остановились, топтались на месте, на широком поднятии рельефа в дубняках.

– Смотри, Фадеич, на кормёжку и ночёвку разбрелись. Вчера к вечеру, видимо, сюда дошли. Нам нужно уйти под ветер и больше слушать их (песни), чем ходить.

Зашли. Прошли параллельно с километр скрадом. Спугнули старую чушку с поросятами.

– Смотри, отдельно от табуна спали, значит она уже нагулялась, сюда жить пришла. Значит и табун рассыпался. Мы можем найти только остаток, чушек молодых, ещё не догулявших, и секачей. А к отгулявшим нам сложно будет подойти и не спугнуть. Здесь всё уже истоптано. И солнышко уже садится, за землю прячется.

– А где мы сейчас, Петро? Надо бы о ночлеге думать. Не

хочу у ногди, мороз ночью за 30 будет, чёрт нас дёрнул за ноги.

– Да не бойсь, возле печки на полатях в моём нижнем барачке ночевать будем. Вот так по компасу часа 2, и в нём будем.

– Как ты его найдёшь потемну?

– Найду, это уже моё дело...

Переночевали в тепле. Утром прошли небольшой полукруг. Кабаны разделились и не пошли дальше на запад. Большая часть перешла ключ Еловку и потянули следы на его левый борт к водоразделу. Мы обошли (обрезали) все следы и вышли на водораздел. Кабаны остались на правом борту и тянут в его верха.

– Уйдут, Петро, откуда пришли.

– Ну, часть-то осталась, да ещё и не вечер.

Мы проходим с километр, полтора, спускаемся пониже на борт ключа, слушаем, слушаем. И опять к перевалу. Так и продвигаемся на восток. Сварили чай в обед и опять такой же методикой тянем на восток, в верха ключа. Вот мы с водораздела спустились пониже к ключу. Их следов нет, ещё не подошли значит. Мы к водоразделу. Медленно идут и пасутся. И мы стоим, ждём... слушаем. И вот явный визг, драка.

– Слышал (песню)?

– Слышал.

Я беру азимут, направление, и быстро идём на крики. Вот и взвизги уже метрах в 250.

– Всё, Миша, пасёшь меня слева. Ветер нам в правый бок, тихонько, скрадом пойдём. Стрелять будем самого крупного, мелочь не трогать.

И мы разошлись. Немного я прошел и потерял его из вида. А с правой стороны, с востока, на меня идут чушки. Мелочь, прошлогодки и сеголетки. Я медленно опустился на одно колено и сижу не двигаюсь. Идут лавиной, метров от 25. Чмихают, фыркают, сопят, хрюкают, приостанавливаются, обходят подалее, слышат мой запах, но идут, не побежали. Штук 20 я видел неплохо. Я не стреляю. Ниже по склону ещё взвыл крупный кабан и слышны гики и драка, и резкие гулкие выдохи. Я дожидаюсь прохода последних поросят. Встаю и направляюсь на звуки. Вскоре я вышел на начало мелкого ключика. Трава, кочка, мелкий осинник. Дубняк и орешник расступились. Внизу в этой траве и кочке, метрах в 80 от меня, стоит боком крупная чушка. Вокруг неё ходит 5 крупных секачей. А сразу за её хвостом – секач повыше и подлиннее других. Он выше тех секачей и её сантиметров на 30. Всё, далековато, но двигаться нельзя, заметят сразу. Буду стрелять его. Он пытается запрыгнуть на чушку. Но другой секач вонзает ему клык в задницу. Он спрыгнул и ударил соперника. Тот с визгом отлетает в сторону. И альфа-самец опять занял место за хвостом чушки. Я взял его в прицел и выстрелил кировчанкой. Вся свадьба выскочила из кочки в орешник и встали. Остановился и стрелянный, постоял с минуту и начал двигаться в мою сторону по густому молодому лесу и

орешнику. Пройдёт метров 10—12 и стоит, слушает. Я уже не вижу других, но понимаю: все стоят, ничего не поняли. А стреляный неточно взял ориентировку. Пройдёт опять с десятков метров и стоит. Густой подрост осинника и кустарника не даёт мне чёткого просвета стрельнуть точно. Наконец я взял просвет примерно в 10—15 см. Выстрелил со второго ствола по левой лопатке. Он так же тихо пошёл и, пройдя с десятков метров, встал, слушает и втягивает воздух – где, ну где ты, вражина, покажись – разорву, давай сразимся...

А я медленно, спокойно перезаряжаю ружьё. Расстояние между нами метров 40, он обходил меня дугой. Уже явно почуяв мой запах, опять стал, уже смотрит на меня. Я поднял ружьё и выстрелил в очередной, как мне казалось, просвет. Он прошёл ещё десятков метров и встал. Теперь я у него как на ладони, заряжен ещё один ствол.

«Жди, Петро, видимо, выстрелы по молодому подросту его не задели, жди, не шелохнись. Тут кто кого, бог судья...»

Выстаиваю какое-то время, и кабан продолжил меня обходить. Может, чётко не вычислил меня. А может, ему было плохо, пуля хоть одна да всё-таки прошлась по нему. И вот уже он меня прошёл в 35—40 метрах. И метрах в 40 рванул на прыжках через мои следы. Птицей полетела эта туша, будто бы никто и никогда в него и не стрелял. Это уже позади меня, откуда я шёл. Я знал, где-то там Фадеич, и всё-таки прицельно выстрелил в прыжке (в полёте). Секач не сбавил темп бега, бежал уже в сторону, откуда пришёл. И весь

крупняк стада развернулся и полетел назад. Я перезаряжал ружье, и весь шум бегущих утих... Вышел Фадеич.

– Ну что, завалил крупного, вот то-то же. Чего не стрелял, когда чушва возле тебя шла? Я всё видел. Нужно было брать, что бог давал... Я стал за дерево и решил, делай, что хочешь, а я мешать не буду, чтобы и виноватым не быть. Теперь облиземся...

– Рановато ты черту подводишь. Всё-таки я три выстрела прицельно сделал, четвёртый влёт, в просвет, не понять. Но идём, всё, что на снегу написано, прочтём, а после уже выводы делать будем.

– Я специально не стал тебе мешать, твоё «не бей мелочь»... Ну, тогда и бей сам, решил я, как знаешь. Ну и терпение у тебя, если б не видел, никому бы не поверил. Столько мяса мимо тебя шло, а ты не стрелял.

– Да ладно тебе стонать, ещё ничего не ясно. И нечего жалеть, мы же с тобой их не откармливали, убежали, значит были не наши.

Я положил ветки по направлениям выстрелов, и пошли осматривать, как пошла первая пуля. Ясности – ноль. Шерсть и там, и там лежит клочками, крови капли кругом, а от пули – ноль. И капли крови, видимо, от драк за первенство, но не от пули. Вторая и третья пули задели вначале кусты, а после и вообще плутать по осинкам.

– Видишь, как оно... – зудит Михаил. – Ни капли с него не капнуло, вот... явно не тронуло его.

– Идём четвёртый выстрел смотреть. Вот тот просвет, в который я стрелял. Прыжок был явный через просвет, видимости.

И опять ни крови, ни шерсти, ни следов пули. И уже хотели пройти по убежавшему следу, но я всё-таки заметил в полутора метрах от следа на метровой высоте плевков крови на орешине.

– Смотри, Фадеич, это же пуля «плюнула», пролетев сквозь тело?

– Да разве же это кровь после 12-го калибра? Нет, это вообще не кровь, а так, и не понять что...

– Да не будем спорить, пойдём тропить, искать, пока всё не станет ясно до конца.

Трудна работа траппера, смотри всё и объясняй причину увиденному. Все следы нужно прочесть и не двигаться дальше, пока не прочтёшь. А их тут много. Стадо шло сюда, и побежал крупняк обратно. Крови нет и через 200 м. Но я всё-таки верил в себя, ружьё и пулю-кировчанку. На сотню метров она сохраняет энергию, почти не садится к земле и летит точно. А вот дырочка мелкая, и из сального зверя кровь редко идёт... Зверь наконец-то вышел на нетоптанный снег и пошёл шагом.

– Смотри, Фадеич, за стадом не пошёл и тихо пошёл. Может, разойдёмся на десяток метров? Где-то рядом, может залечь.

– Да уж, жди, так летел, а сейчас ляжет.

И мы потянули по следу внаглую. И спугнули с лёжки секача, метров 400 тропили. По времени долго. Лежал он на левом боку. Хорошая лужа крови под ним, и, видимо, с двух пробоин кровь шла. Пробоины рядом, в 6 сантиметрах одна от другой. Видимо, в районе печени. После оказалось, первая пуля не вышла из зверя, застряла в шкуре на выходе. А вторая прошла навывлет. За собой вытянула «плевок» крови.

– Ну что, Фадеич, пойдём за ним. Будет идти до конца и не подпустит на выстрел. Нужно дать ему время успокоиться и покориться судьбе. Заляжет, затяжелеет, тогда и подпустит. Нужно чай варить.

Посидели у костерка, чай попили. Миша уже ни слова не говорил, только раскраснелся у костра. Солнышко уже пошло к земле. И мы разошлись на 25—30 метров и пошли скрадом. Я по следу, а он правее от меня. Ружья в руках, взведены и сняты с предохранителей. На -товсь, как говорится. И я что-то засмотрелся, слышу выстрел Фадеича. Куда, где, почём – лихорадочно смотрю по сторонам. Ничто нигде не побежало, вон и Фадеич стоит. А, вона и туша лежит, точно, это кабан. Просто лежит на брюхе, к земле прижался. Я ещё прохожу с десятков метров к секачу. Вижу, он смотрит на Михаила, меня не замечает. Я готов его добить в голову, в нём ещё много сил. А Кайдалов идёт к нему беспечно и поближе.

– Не порть патроны, Петро, я добил его.

Я тоже шагнул к зверю поближе. И вижу, секач готовится

к последней схватке.

– Миша, он тебе сейчас покажет, как ты его добил. Стреляй ещё!

– Тогда погоди, не порть кировчанку, я сейчас найду, тут у меня есть старый заряд, кругляш на такой случай.

И он раскрыл ружьё и вынул со стволов оба патрона. Глаза опустил на патронташ, начал копаться в нём. Достал нужный патрон, зарядил один ствол. Прицелился. Курок щёлкнул по капсюлю, но выстрел не грянул. Секач взлетает и чёрной торпедой летит к Фадеичу. Я вскинул ружьё и навскидку выстрелил в голову вепря. Секач рухнул замертво. Миша стоял бледный как мел, ружьё опущено в руках. С минуту молчал. После заговорил:

– Хорошо, что ты стрельнул, попал.

Я сорвался, напомнил ему, что он не у тёщи на блинах и не в своём сарае хряка забивает. И что не мог попасть первым выстрелом, ружьё не зарядил как следует. Расклячился, как корова на льду. А побелел-то как, проснись, всё уже прошло. Везунчик...

– Да я тогда в голову метил, чтобы мясо не портить. И рядом же было, а так получилось.

– Получилось, что получилось. А вот патроны зачем такие днями таскаешь, жмот ты старый, давно их повыбрасывать надо было. Я же и ружьё опустил, когда ты сказал, что сам добьёшь. Еле успел стрельнуть. В рубашонке ты, Миша, родился. И чего подходил к нему так близко, он же на твой

первый выстрел никак не отреагировал.

– Я потому и пошёл к нему, думал, всё, мёртв.

А пуля только шерсти немного сбрила со лба секача. И он повернул только голову на Фадеича.

Пока мы разделали тушу, сложили мясо на настил, который тут же и соорудили, 1,5-м высоты лабаз, накрыли мясо шкурой, стало почти темно. И Миша заныл: и где мы теперь, и ночлег не готовили, и дров тут почти нету, замёрзнем с твоей охотой.

– У костра ночевать не будем, не боись, сил у нас много. Разделявали, чай пили и ели. Сухую осину на надью искать поздно, и балаган делать некогда. И лапника тут нет. Так что потянем в свой центральный барачек. Ну, пусть в одиннадцать ночи, но доползём до нар и печки. Пока по компасу напрямик, а там волок буровиков, и без света узнаем, не перейдём. По нему и без фонарика в тайгу не свернёшь, радуясь, что жив и ноги целы.

Сейчас я не стал бы стрелять такого секача-великана. Оставил бы на племя – это щит стада. Жира на нём не было. Ляжки в сплошных порезах. Только что мяса было много. Природа мудрее нас. Когда нету недостатка в кормах, тогда и рождаются, и вырастают крупные экземпляры.

Трофейный секач

В тот год охотсезон начинался нескладно. Василий не пошёл, работал. Кормов уродилось на участке мало, и жёлу-

дя только по низинам, возле ключей. Маньчжурский орех – редко. А кедровой шишки и вовсе не было. Кабаны ушли искать лучшие места откорма. А Василий заказал: добудь мне голову трофейного секача. Тебе всё равно добывать, лицензию выкупил. Я тогда поддался на похвалы и лесть и ляпнул, что обязательно добуду, слово даю. А слово не воробей, выпустил – не поймаешь. Хмелёк испарился, понял, что прихвастнул. Но сказал, значит буду стараться сдержаться.

Время охоты шло, а я вообще не мог найти и следов кабанов. И уже и гон у них начался. Две-три «свадьбы» пробежало через участок, но тогда, когда выезжал домой в баню. На зимних школьных каникулах напросились на участок сыновья Илья и Сергей.

– Поводи их, Фадеич, по капканным тропам, а я поищу секача. Старые, должно быть, уже гоняться за матками бросили, нагулялись, встали на постоянное гайно. Может, найду хоть следок хороший.

И я пошёл в поиск на лыжах один. К вечеру я уже повернул на барачек, подсёк след крупного секача. Я уже и подустал, и настроение уже упало. А главное, дневной ветерок стихал, еле отклонял дымок с подождённого клочка ваты. Но я решил тянуть за собой лыжи и попробовать подойти на верный выстрел. Он меня вычислил. И метров 100, ближе не подпустил, отбежал, я только силуэт и повидал. Мне не верилось, что он так быстро успокоился и стал продолжать пастись. Я сделал ещё одну попытку подойти, но зверь и не

убегал, и держал меня на чутье. И снег был глубок, и я быстро уставал без лыж. И солнце садилось, мороз крепчал. Удача копится, говорят. И тогда она, видимо, не накопилась. Я бросил и потянул к тропе. Доплёлся до тропы ещё по сумеркам. А в барачек пришёл уже по хорошей темноте. Но доволен, нашёл, значит добуду. На второй день я пошёл по своей лыжне туда, где бросил секача. Много времени ушло на поиск его гайна. Да, я не ошибся, он уже несколько ночей ночевал в одной лёжке. Гайно мягкое, тёплое, и кругом всё в следах разного времени. Но истоптанный снег хрустит под ногой, как ты её осторожно не ставь. И ветерок слабенький, и секач уже пуганый. В общем, не подпустил. Два раза я отрывал его от скудной кормёжки. Несколько раз его наблюдал, но всё далее 100 м и в кустах или за ними. А после третьего он решил уйти от меня подальше, бросить своё жильё и идти искать новое место. Это я тоже понял. И я опять потянул в зимовье, как говорится, несолоно хлебавши. Следующий день предвещал быть ещё сложнее. Но я не намерен был сдаваться просто так. Я решил с самого утра застать его в новом гайне. Спит он в такую пору морозов часов до 11. Мне нужно найти новую лёжку и подойти пораньше. Я взял с собой Сергея, и мы вышли на лыжах на следующее утро на рассвете. Протропили новую лыжню напрямик и по старому профилю геофизиков. Дошли до места, где кабан вчера начал успокаиваться и пастись.

– Ну всё, – сказал я, – он где-то недалеко. Теперь я пойду

один пешком. А ты иди на лыжах по моему следу, отставай на 100—150 м. Увидел мою спину, стой, жди. Видишь меня, стой, жди. И за собой тяни мои лыжи.

Я начал (обрезать) вчерашнюю пастьбу с подветра, со всякой осторожностью от шума. Использовал всё что мог, чтобы не выдать себя. Часто останавливался, осматривал всё, что было впереди и по бокам. Вылазил на пеньки и валёжины. Опускался на колени и смотрел по низам. Так лучше видимость в лесу, где есть подрост. Да и зверь видит над снегом. И как я ни старался, секач, видимо, услышал и встал прямо в гайне метрах в 90. Стоял он градусов под 120—130, не боком (под 90). И смотрел уже в обратную сторону. Но, я всё понял, услышал. Всё, ни шагу больше. Зверь настороже. Нужно стрелять, далекоовато для ружья, и видимость плохая, и кустарник может отклонить пулю. Но это шанс. Я пару раз брал его в прицел на мушку. Но чёткой видимости нет. Над зверем и вокруг него зимой почти всегда небольшая туманность. Контур зверя видны нечётко. Но с третьей попытки я выстрелил. Кабан резко стал боком ко мне, и я тут же стрельнул второй раз. Секач развернулся и полетел ко мне. Я ожидал это, патрон ещё был у меня в левой руке. Я быстро перезарядил один ствол и успел закрыть ружьё. Для таких охот я пришиваю на левую грудь место под два патрона, как газыри у черкеса или казака. Я успел и замереть, и поднять ружьё. И он ошибся, метрах в 5—7 пробежал мимо меня далее и застыл в трёх метрах от меня. Я понял, что сейчас он

не видит меня и стоит, вычисляет. Стоит не шелохнувшись, и я стою. И слышу, как в нём заклокотала с шумом кровь в груди. С таким шумом, будто бы кто-то льёт в него воду из ведра. «Всё, парень, – решил я, – ты стоишь, но мёртв. Достреливать тебя не надо». И вдруг где-то рядом (сзади меня) выстрел. Следом второй. Я видел попадания кабану в голову. А он стоит не шелохнувшись. Я понял, это Сергей подбежал и стреляет. И кабан его слышал и отвлёкся от меня.

– Не стреляй, – крикнул, – он стоит мёртв, просто не падает. Подождём, пока обмякнет.

Минуты три секач ещё стоял парализован, а после начал медленно заваливаться наперёд и правый бок. Но он уже ничего не видел и не слышал. Такое я уже видел с сохатым.

После Вася забрал голову, выварил. Кости отлакировал, сложил, склеил. Сделал трофейное чучело.

– Всё хорошо, Петро, получилось, вот только в черепахе за глазами, перед мозговой коробкой, две дырочки рядом. Там одни перегородки пробиты.

Крупный был экземпляр, тоже из серых чушек. И может, мне повезло, что он отвлёкся на Сергея.

Беличий патрон

В тот охотничий сезон охотились втроём. Я, Кайдалов и Пономарь Василий. По пушнине мы уже выполняли план (половина штатного охотника в стоимости). Соболя у нас не было, так что шкурок мы добыли довольно много. А вот с

кабанами было плохо. Мало было с осени корма на нашей площади. Кабаны ещё с осени поуходили в более кормовые места. И только в декабре время от времени пробегали одна-две чушки, ведя за собой 3—5 секачей (гон, так у нас зовут). Оставалось надеяться на счастливый случай, что когда-нибудь да набегут на кого-нибудь из нас. Но не везло. Наши отпуска уже заканчивались. Я предложил пойти на верхний барачек двумя капканными тропами и снять с них капканы. Я пошёл с Михаилом, а Василий один. Там переночуем и утром пойдём свободной ружейной охотой назад. Когда шли с Михаилом, по путику убили ещё несколько белок. Одну подранили, и она побежала по вершинам деревьев. Азартный случай, бежишь и смотришь за ней, и спотыкаешься, и стреляешь в неё, бегущую. Дострелили, конечно, и пришли в зимовье довольные и весёлые. Ещё 4 колонка поймались в капканы.

Вечером я вышел за дровишками, звёзды светят, аж искрятся. И смотрю, метеорит упал в южной стороне. Я мигом и загадал желание – добыть завтра секача. В зимовье я прихвастнул:

– Всё у нас хорошо, мужики, завтра добуду секача. Вы пойдёте вдвоём, без тропы, а я один погуляю. Вывершу нашу Еловку. Возможно, и до границы участка пройду, но найду их точно, должно быть, ещё поют. Собираться будем в центральном домике. Так что, если буду стрелять более двух раз, поворачивайте на выстрелы.

Утром мы и разошлись. Шёл я потихоньку, больше стоял, выслушивал, осматривал все подозрительные места. Ветерок едва ощутим был с запада. И вот всё-таки со стороны запада и услышал взвизг кабана. Я взял ориентировку и крадучись, с остановками, ещё не совсем веря своим ушам, пошёл на взвизг. Взвизг вскоре повторился и явное уханье. Всё, сердце забилося в груди. Я раскрыл ружьё, заглянул в стволы, не набилось ли туда снега. Заменял патрон с картечью на пулевой. Две пули в стволах, ещё одну положил в карман, чтобы не возиться с патронташем. Посмотрел на левую грудь, там торчали ещё два патрона. Не потерялись, все на месте. И я, с остановками через три шага, потянул ноги медленно, не вынимая из снега. На стоянках всё хорошо просматривал. Двигался к свадьбе. Наконец, я увидел за толстой кедровой валёжиной три тёмных полосы. Не понять, но вроде спины кабанов, кругом бело, снег недавний, пушистый. Хорошая сотня метров, мелькнуло в голове, хотя бы немножко подтянуться поближе. Сделал ещё один медленный шаг. И тут один секач поставил передние ноги на какую-то валёжину или старый пенёк. Его перёд поднялся выше лежавшей кедр. Стоит левым боком, но уже смотрит в мою сторону. Все другие кабаны замерли, слушают. «Всё, Петро, подкрался, вторую ногу подтягивать нельзя, ты у них как на ладошке, вычислили, подшумел, видно, ранее». Я распрямился, медленно начал поднимать ружьё. Целить в того кабана мешал пушистый снежок на наклонной липе. Закрывает самое убой-

ное место. Поднимусь на носки, вижу хорошо того, стоящего, приподнятого кабана. Других видны только спины. Возьму его в прицел, мешает сантиметров пять снежка. Наклонюсь, смотрю под той же липой – видать плохо, кустарник мешает. Опять поднимаюсь на носочки. Всё, больше шансов нет, стрельну через снежок. Дёрнутся бежать, как стоят, от меня влево, там второй выстрел лучше будет. Я долго целился, стоя на носках, после опускался на ступни и определялся, как мне точнее стрельнуть. Так проделывал несколько раз. На снежке было тёмное пятнышко, и мне казалось, точно на линии выстрела. И я всё-таки выстрелил в него. Кабаны с шумом побежали, как я и предполагал, в левую сторону. Я тут же выстрелил в просвете в одного из них. И сразу вижу: один летит в мою сторону, на меня. В момент раскрываю ружьё, хватаю один патрон с груди. Там у меня пришито два гнезда под два патрона на такой вот случай. Загоняю патрон в освободившийся инжектором патронник. Закрываю ружьё и тяну приклад к плечу. Секач уже поравнялся со мной и встал как вкопанный в каких-то не более 10 м. Крутятся только красные глаза и крючковатый хвост (локатор). «Что, промазал, меня не определил точно в беге? – радовался я, – вот она, удача, собственной персоной подвалила». Уточняю прицеливание за его ухом (висок) и дожимаю курок. И выстрел громыхнул хорошо, громко так и точно. Но что это, что? Вместо того, чтобы рухнуть на снег, кабан рванул с места вскачь, как стоял. Против его лыча была

вершина давно упавшего кедра. Гнилые сучки с треском полетели в разные стороны. Один летел мне прямо в лицо. Я увернулся и оторопел. Не верю глазам своим: как так получилось, не на меня полетел. И как будто бы не в его голову я сейчас стрелял. Будто бы кто-то неведомый пнул ему палку под хвост. Я был в недоумении, или как говорится, (ошарашен). Чудеса налицо. Перезарядил ружьё, два пулевых патрона с карманного патронташа. Ещё достал один пулевой и заложил в пустую ячею на груди. И пошёл по следу убежавшего секача. «Вот тебе, Петька, говоришь, чудес не бывает». Секач бежал на прыжках добрых сотню метров, после пошёл широким шагом. Капли крови сыпались с него, кропя пушистый снег. Не останавливается, не ложится, ровно уходит всё дальше и дальше. Мне всё не верилось, удача уходит от меня, вот уже с полкилометра прошёл. «Боги отвернулись от меня, посмеялись, не надо было хвастать вчера (добуду секача). Всё в их руках, но не в твоих. Мужики явно слышали, на выстрелы пойдут: что скажешь им?» И я молча повернул по следу обратно, откуда стрелял. «Вот твоя примета. Звездочка пала, и ты загадал. Накось, выкусь». Не успел я и подойти к тому месту, откуда стрелял, слышу, свистят мужики. Я крикнул, да здесь я, иду на посмешище.

– Слыхали, стрелял три раза, не скроешь. Мы чётко пошли на выстрелы.

– Да, стрелял. Но секач ушёл, будто бы бронированный и заговорённый. Прихвостнул я вчера, извините.

– Но, ты брось, нас за нос водить, – сказал Михаил.

– Чего шутить-то, я тебя знаю хорошо, раз стрелял, да ещё и три раза, то убил точно, – сказал Вася. – Не разыграешь, показывай.

– Да точно ушёл, сам не верю, но вот капли крови, и назад иду разбираться. Третий выстрел не далее десяти метров был, и в голову стрелял. Вот рядом и то место, пошли смотреть, разбираться.

Я рассказал всё, как дело было. Вот я стоял. Вот дыра в снегу на липе. Ну, и чего там можно ожидать на сотню метров. Вторая пуля в полёте, в просвете влёт. Вот он и подскочил не ранен, и вовсе он не летел меня рубить, просто остановился сориентироваться, да послушать, кто куда убежал. Был бы ранен, в этот раз он бы меня порубал, как хотел. Я долго перезаряжал ружьё, руки замёрзли. Он уже стал, а у меня приклад был ещё не на месте. Может, только в прыжках не заметил мои движения. Да и поскакал он вовсе на стреляного не похоже.

– Такого быть не может, – сказал Василий, – ты, может, метров 100 не дошёл, я пойду его догонять.

– Тогда иди, я с Михаилом пойду, ещё там всё хорошо осмотрим, первые выстрелы. Но шансов вовсе мало. Метров за сто услышали, та ноябрьская ледяная корочка под пушистым снегом – вот. Первый выстрел, через снежок, второй – на скаку, в небольшой просвет между деревьями и кустарник был. Самому не верится, но облажался. Не нужно было хва-

стать вчера. Так мне и надо. И вас сорвал, зря вы бросили охоту, может, вы чего встретили.

– Ничего не зря, скоро Вася прибежит, дыра в голове не шутка, пусть мозг и не задело, побежал в горячке. Пошли первые пули посмотрим, куда ложились.

Мы дошли до места, где стоял кабан передними ногами на валёжине.

– Смотри, Петро, вот он стоял, вот шерсть стрижена, вот он и бежал. А вот и вторая пуля в него ударила, смотри, кровь на вылет пошла. Да вона он и лежит. И ты, скажешь, нас не дурил?

– Выходит, второй раз я стрельнул в него. Да я, Миша, не видел, что он падал. Видел, что несётся на меня, сам не верю.

Мы подошли к убитому секачу, два попадания рядом. Развели костер и стали свежевать. Не скоро пришёл Василий.

– Ну, всё-таки ты дуранул меня. Тот так и ушёл далеко, я километра два прошёл, он и не подумал ложиться.

– Прости, Вася, но я ничего не выдумывал и не хотел вас разыгрывать, так получилось. Две пули попали в этого, я и сам не верю.

Дней через шесть мы с Фадеевичем шли к центральному зимовью по капканному путику. Встретили свежий след кабана. Добили мы его без труда. Михаил решил забрать и голову. Клыки заберу, и холодец будет, носить-то недалеко. Закончили мы охотиться в том сезоне. В воскресенье вечером пришёл Михаил: вот, смотри, какие клыки. Ну и поплевался

же я мелкой дробью, твоя «семёрка». Больше никто из охотников, кроме нас, белку такой дробью не стреляет, а ты его в череп шарахнул

Я не профессиональный охотник, но работал в тайге геологом, отпуск зимой проводил на охоте, покупая лицензии, так что случаев встречи со зверем было много и сейчас на пенсии всплывают в памяти.

О медведях вообще

С 1993 года в нашем районе, да и почти по всему Приморью, лесорубы прошлись с пилами по второму разу. Остался на корню кедр, который уже нельзя было продать. Старый, гнилой и молодой. Мелочь утоптали в почву. Не лучше картина и с дубом, и липой. Досталось и маньчжурскому ореху. Я перечисляю только деревья, которые кормят зверя в тайге. Запасы белкового корма сократились в разы, и зверя стало меньше. Тиграм тоже жить стало не легче. А медведям и жильё (дупла) попилили. И если валка шла зимой, то редко какой медведь сбежал – убили. Деревень в Приморье тоже сократилось много. Колхозы уничтожили, а совхозы были убыточны по другим причинам. Работы нет, занимались лесом, охотой и пчеловодством. Больших пасек в районе на сегодня зарегистрировано 38, в которых 4000 пчелосемей, а было в разы больше. Липу продолжают рубить. Если судить по приносам мёда контрольного улья у меня на точке, то до 1995 года суммарные приносы с лип за сезон доходили до 220 кг, после рубок – максимум до 40 кг. Сейчас немного стало увеличиваться, до 60 кг. Но у меня рубили с 28-см диаметра. А в прошлом году на участке, где я охочусь, рубили на 5 отводах всё, и с 16 см. И так рубят уже везде и несколько лет. То есть лес продан, а следовательно, и все его обитатели. О каких дуплах для зимовки медведей можно говорить. Их не оста-

ётся даже в двух-трёх км от делян. И сами лесорубы медведя не оставят в дупле или продадут на корню (крутым). Народ исчезает с Приморья («жемчужины тайги»), потому что и его дом разорён и продан. Две напасти пришли в тайгу – голод и наводнения. Простой пример. Есть данные метеостанции по п. Чугуевка. В прошлом году два циклона вылили 240 мм осадков. И посёлки затопило по крыши. Это редкое явление и совпадение. А вот в 1932 году было 340 мм осадков. И речка не вышла из берегов – лес стоял. Он держит и регулирует водообмен. Кстати, больше, чем море такой же площади. От этого и рыба в реках исчезла. Я неоднократно видел, как медведь ловил ленка, не только лосося. В Приморье есть ещё незначительный белковый корм, лещина, фундук, дуб монгольский. Но их запасы незначительны. А самое главное, что всё родить стало (из-за вмешательства человека) через несколько лет. Дуб, стоявший в кедраче, родил ежегодно. А кедр, хоть и понемногу, но через год. Обильно на четвёртый, пятый или седьмой года.

На рыбу в речках повлияло не только уменьшение воды в зимовальных ямах, а и норка с выдрой. Норку завезли в шестидесятых годах. Она расплодилось хорошо. Но её численность регулировали охотники по пушнине. Её шкурка ценилась не хуже соболя. Про выдру не знаю, завезли её или она здесь и жила, и водилась тут. Но было её очень мало. И на неё лицензий выдавали мало. И тоже её численность регулировал охотник. С 1993 года цены на пушнину сильно пошли вниз.

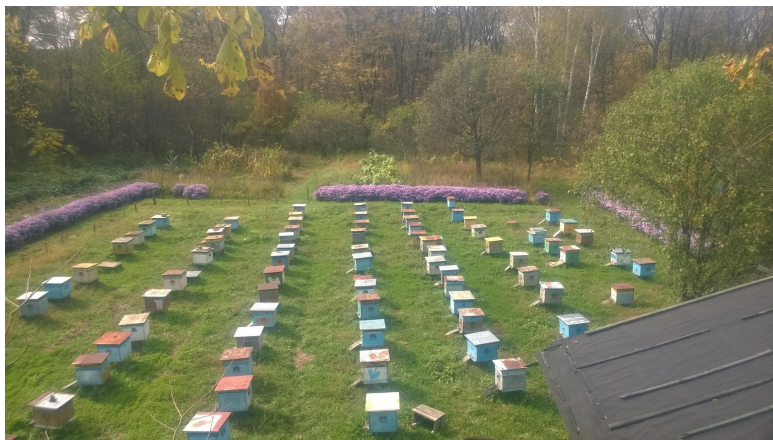
Стало невыгодно заниматься охотой, пушниной. Особенно на белку, норку и выдру. Белка стала не стоить патрона, а норка – капкана. Сейчас во всех ключах и речушках избыток норки и выдры. Выедают не только рыбу, а и лягушку, ракушку и прочее. Получается сильный пресс, и не только на рыбу.

Осень 2015 года

Но я о медведях по порядку. В августе 2015 года медведи, и бурые, и гималайские, начали бродить возле посёлков, на помойках и т. д. Почти каждый день радио и телевизор сообщали то один, то другой конкретный случай. В Хабаровске медведь забежал даже в магазин. Это не минуло и наших ближних деревень. Невозможно было выйти за посёлок (скажем, косить сено), чтобы не набрести на медведя. Его никто не добывал, просто стреляли картечью, чтобы погиб где-нибудь в кустах и проблеме конец. И в охотничьих избушках медведи грызли столы, пропитанные запахами сала или мяса, и оставленные продукты, консервы, гнули и вылизывали сковородки. Медведь уже давно, примерно с 1975 года, почти весь заражён трихинеллёзом, и охотнику он не нужен, его мясо никому не нужно. В одной экспедиции возле Хабаровска сразу погибло 8 человек. В 1976 году и в нашем районе были случаи смерти от мяса медведей. Так что боялись употреблять их в пищу.

Да и охотников, что ходили на медведя с ружьишком как

за добычей, не осталось. Ход голодного зверя всё же шёл по долинам рек и меньше по сопкам. Пасеку я старался не оставлять, во всяком случае – на пару ночей. Пасеку медведь не пройдёт в голодуху. Ни заборы, ни постройки его не оставят. Был случай ранее возле села Незаметное, у Филлипова, когда медведь разломал угол рубленого омшаника. Залез к пчёлам в конце ноября, пожил несколько ночей, отъевшись как следует, видимо, запел, как тот волк из мультика, и побрёл в тайгу. Но Филлипов обнаружил погром и догнал его с собаками.



20 сентября я работал с пчёлами. Под вечер пошёл в ом-

шаник. Услышав шум и потрескивание сучьев, посмотрел в ту сторону. На границе точка метрах в 15 от углового (медвежьего) улья по черёмухе, сверху спускался гималайский медведь. Видимо, он давно уже наблюдал меня на пасеке, а испугался скрипа открываемой двери. Я его тут же обматерил, и он спокойно побежал в лес. Поразмыслив, что, может, он не из голодных пришельцев и ещё электропастух его отпугнёт, решил, караулить не стоит. И денька 3—4 он будет помнить удар током и думать, как ему учинить разбой, тогда и буду караулить.

У меня вокруг пчёл с трёх сторон натянута колючая проволока на высоте 50—60 см. К ней подключен прибор импульсов короткого высокого напряжения, работающий от аккумулятора (электропастух для скота). Я включил его на ночь, но мысль, что это пришелец из голодных, не давала спать спокойно.

Ночью я несколько раз выходил из избушки, подходил к середине пасеки, фонариком светил по всей пасеке и ближним кустам. Кричал, материл, грозил ему, всяко-разно. К утру уснул крепко, подумал, что раз с ночи побоялся выйти к пчёлам, то утром светает, и медведи редко приходят утром. Рано утром, проснувшись, я побежал смотреть ульи. Крайний улей возле тропы к туалету отсутствует. Вместо него лежит часть рамок, крышка, подкрышник, утепление, провод сторожа порван и лежит на земле. Адреналин быстро разносился по телу, сердце заколотилось сильнее. Стало быть,

удар током не отогнал гостя и на несколько часов. Я был наивен. Он думал и чесал репу только до утра. Я подошёл к месту разбоя. Смотрю, часть рамок поеденных лежат-валяются по тропинке к лесу, а за сливами и медведь стоит, жрёт рамку и искоса смотрит на меня. И злость у меня вскипела разом.

Я разворачиваюсь и быстро иду в домик за ружьём. Заряжаю ружьё и, сунув пару патронов в карман, быстро иду к тому месту, где и стоял. Медведь не ушёл и есть рамки не перестал. Между нами 15—20 метров. Я начал прицеливаться ему в голову, но он, пряча голову за кусты и деревья, начал потихоньку отходить. Я тоже несколько раз перешагивал, подходил, выбирал просвет, чтобы пуля не задела ветку или куст. Но медведь тоже двигался, навскидку стрелять я себя удержал.

«Не торопись, Петро, даже и в сердце попадёшь, он тебя заломать ещё успеет. По 150 метров ещё пробегает с пробитым сердцем, ты же сам это видел не раз. Не спеши ты в гости к богу, туда не бывает опозданий. Вечером и стемнеть не успеет – придёт».

Медведь отходил медленно, но из-за кустов я не успевал прицелиться... «Ну и ладно, до вечера, Миша, сочтёмся».

Напряжение спало. Я пошёл искать улей. Сделав небольшой круг, я так улей и не нашёл. Ладно, пока брошу. Вернулся к омшанику, взял пустой улей, принёс и поставил его на место ненайденного. Собрал ещё немного ползающих по траве пчёл и три рамки в этот улей. Пусть пока стоит бута-

фория. После, уже днём, я всё-таки нашёл тот улей метрах в 80 в лесу.

По следам вырисовывалась такая картинка. Видимо, он ночью подошёл к проводу, его хорошо стукнуло током, он отбежал в лес и немного отлежался. Под утро он **перепрыгнул** провод, ограду, взял первый попавшийся улей и понёс его в лес, где я его после и нашёл. А когда нёс, ульем уже порвал провод, и ток его не достал. А когда нёс, держал его боком, так что 4 рамки выпало из улья. Когда в лесу он сожрал всё, что было возможно в улье, пошёл подбирать рамки, что выпали, и доедать. Тут я его и застал за этой работой.

Да, пчёл жалко, зря скормил пчёл и рамки, с вечера нужно было караулить. «Кому ты что доказывал? Я дал ему шанс попробовать импульс тока и уйти с миром, бог видел. Зверь есть зверь, Петро, и не нужно его очеловечивать. К тому же голод не тетка, ему или с голода умереть, или от пули...» Сколько шатунов будет бродить вокруг охотников по капканам в этом году?

Вечером я уже к семи часам сидел в кресле на настиле и ждал его. И ожидать пришлось недолго. В 19.20 он нарисовался от протоки. Шёл быстро, прямо к медвежьему улью. Никакой тебе осторожности, вот только возле сентябринок остановился на секунду. Я не успел выстрелить в лоб – он их раздвинул лапами и тут же перепрыгнул через них. Ещё 2—3 шага, и вот она, оградная проволока. Он делает на ходу поворот вправо и быстро идёт рядом с ней. Я был погру-

жён весь в прицел и не дожимал спуска, дрожь в руках от волнения. Но вот крыша настила начала прятать его голову и шею, и я лихорадочно дожал спуск, вроде по сердцу. Ружьё громынуло, вскинулось. Видел, что Миша рванул вперёд, как и шёл. Ещё слышал несколько тяжёлых прыжков – и тихо. Я начал ровно дышать, вслушивался в тишину, ожидал минут 10 его прощальную песню. Но тихо, ни всплеска воды в протоке, ни треска кустов, и песни нет. Всё так быстро и неожиданно, на всё про всё ушло 5—6 секунд. Вот только в теле адреналин бушует. Может, промазал? Так уходят не раненые... Посидев ещё минут 15, я успокоился. Необычно, так редко бывает, да и промазать я не мог. Может, ниже сердца пуля прошла, он овладел собой и ушёл тихо. Но всё равно в грудь за лапой, сегодня второй раз не пойдёт. Нужно бросать караулить и идти спать. И не согнать его, если затаился до утра.

Рано утром я с ружьём на плече подошёл к тому месту, где он находился во время выстрела. Вот она, шерсть, рублена пулей. Вот он рванул землю под лапами, побежал мимо кустов жимолости и повернул к протоке. Я прошёл мимо кустов жимолости, взял ружьё в руки. Здесь трава скошена, всё хорошо видно. И я смотрю всё вперёд к протоке. После как-то глянул за кусты вправо. И меня как током ударило. Медведь лежал метрах в 7 от меня, сразу за кустами. Вот и я был беспечен, как и он. Он лежал ровно по ходу, как и бежал. И поза неживого. Я понял всё мгновенно, и напряжение упало.

Помер на бегу ещё вчера, потому и не пел.

Когда я его вскрыл, картина была неприятная. Тело имело запах разложения, он ещё живой уже разлагался. Не было и жиринки на кишках. Печёнка была жёлтая, цвет необычный, рыхлая. Рвалась и протыкалась под пальцами (как солидол или разогретый пластилин). Желчный пузырь был пустой и тоже разорвался. Мне стало их всех жаль... Видел бы всё это тот, кто лишил их дома и еды...

В тот год я пчёл поставил в омшаник пораньше. Несколько охотников после охотничьего сезона рассказывали, что охота удалась, соболю шёл на приваду, вот только шатуны бродили почти до Нового года. Встречи на охоте с шатуном (не набравший жира медведь и потому не залёгший спать в зиму) всегда опасны.

Рассказ Рыбалченко

Бывают у людей случаи, когда их жизненный путь подходит к перекрёстку трёх дорог, как в той сказке. И хотя звёздочки говорят, что всегда в таких случаях есть выход, но он меняет судьбу. Просто смена жизненного пути. А может, и смерть, всяко может закончиться, но жизнь изменится.

Вот какую историю рассказал Рыбалченко В.

С охотучастка собрались выезжать с Постновым на новогодние праздники. Я немного торопился, чего-то мельтешил. Когда подходил к барачку, ружьё повесил на заднюю стенку на улице. А когда уже ехали, вспомнил, что забыл да ещё и

не разрядил. И дома ещё вспоминал. Когда заехали опять, подбросил меня Степан к барачку, я выгрузился на дороге, а он уехал дальше в свой барачек. Подхожу, снимаю ружьё оставленное, слава богу, на месте висело. Дверь в барачке настежь открыта. Захожу – и шок, ничего не соображу. Всё валяется вокруг, на полу и везде, изодранная постель, изгрызенные банки консервные, мучная пыль, остатки макарон в щелях полов, стекло от банок, все патроны валяются проку-санные, патронташ изжёван, ну всё разбросано, испорчено, погрызено, и не расскажешь. Я оторопел – и только рюкзак снимаю, слышу какой-то шум, хруст снега. Поворачиваюсь к двери, и вот он, с открытой красной пастью медведь, уже почти на пороге – бурый. Я успел выстрелить в лоб, не приложив приклад к плечу, благо, что ружьё в руках было. Он рухнул на пороге. Вот она, судьба. Никто не верит в неё. Кто подтолкнул меня забыть патрон в ружьё?.. В зимовье у меня больше патронов не было целых, да и не успел бы я зарядить.

Вообще ни чайника, ни кастрюли целой, ни сковородки и продуктов. А был запас продуктов, не поверишь, одного сала банок 5, на два сезона бы хватило. Не вытащить медведя самому и дверь не закрыть. И я пошёл к Степану.

Нужно сказать, что это был его последний сезон охоты. Может, так совпало. А я бы сказал, жизнь сменила русло. Это и было распустье...

Мне как-то проще было. Тоже, видимо, ангел помог. Я шёл проверять капканы по тропе. И вдруг в животе рези. По-

весил рюкзак на сук и отошёл от тропы по ветру метров 20 в сторону. Не успел и штаны надеть – хруст снега. Смотрю, катит косматый по тропе следом за мной. Тощий, в инее и сразу на рюкзак бросился. Я схватил ружьё, оно рядом стояло, и мгновенно выстрелил пулей и тут же картечью. И хорошо, подвезло, одна картечина меж позвонков угодила и обездвижила. От той пули, первой, он бы ещё успел мне штаны на голову надеть.

Пчелосезон 16-го года

Весна, поздняя или ранняя, но всегда сулит радость и великие надежды. И всё плохое забывается. Всё с нового листа, живёшь беспечно и не ждёшь ничего плохого. Я выставил пчёл в апреле, они хорошо облетелись. Сразу сторожа не поставил, потому что ночи бывают морозными почти до мая, и прибор отказывается работать из-за конденсата. Да и медведи редко появляются до мая. А зима для них выпала голодная, много отмерло. Так что я понадеялся на бога, и сам оплошал.

8 мая мы с Чуровым добрались до пасеки, и благодушное настроение пропало. Картина – горькая и обидная до слёз. По пасеке с краю валялась часть крышек, подкрышников, ульев, рамок, утеплений, горстки замёрзших пчел и т. д. Всё это затоптано и измазано в грязи. Сердце учащённо билось, и в голове шумело от обиды и злости. Я насчитал 5 ульев, под ноль уничтоженных, а ещё несколько раскрытых и пова-

ленных. Горечь и жалость к пчёлкам, вот тебе и перезимовали зиму...

Вроде по следам два медведя, а может, и три, всё затоптано. Прайд (семья), решил я, где-то перезимовали, в орехово-промысловой зоне Мельничного, шли на свою территорию и обнаружили пасеку. Да и как один мог сожрать столько мёда за одну ночь? Ну, минимум 50 кг. Одному можно не только запеть от кайфа, а и лопнуть. А то, что жрали только прошедшей ночью, сомнений не было.

Ночью я дежурил. Ночь тёмная, ветер крутил, дым падал на землю, и тянуло его в сторону их подхода на запад по тропе. Могли меня сразу вычислить. И всё равно, ни треска ветки, ни шорохов до четырёх часов ночи не было. Я всё ждал, горевал и настраивался на встречу. Холодно ночью. Переход, думал я, большой переход в свои владения после зимы, отъелись и пошли. Но где они перезимовали и на чём набрали жира на зиму? И куда пошли, а может, и вернуться или нет? Когда вернуться? Сколько мне придётся дежурить, мёрзнуть? Да, с такими воевать трудно. В 4 часа ночи я пошёл отсыпаться. После я ещё две ночки прокоротал в кресле. И никаких шорохов. Прошёл днём по дороге за пасекой, взад и вперёд метров по 500. По ней следы видать хорошо. Прошлой ночью на ней отпечатки одного крупного медведя, свежие, ночные. Буквально в 150 метрах прошёл мимо пасеки и потянул по дороге в верха ключа Белого. Это подтверждало мою мысль: переход тех, кто выжил, проходивших в верхо-

вья осенью. Идут на свои места. Чуров не пострадал и рвался домой. У него тоска и безделье, что там его 4 улья. Он слоняется по пасеке, то на койку, а то курит и чай гоняет. Меня это раздражает. И я решил: включу сторожа (пастуха), отве-зу это «счастье» его жене, пусть нервы мотает ей, и быстро вернусь на пасеку. За побитые горшки сражаться мне, он не помощник, три раза у него медведи пасеку съедали под ноль. Вот он и прилип ко мне. А сейчас толком и разводить не хо-чет.

Но быстро не получилось. Только 13-го я добрался до па-секи с женой Людой. Не было меня две ночи. И медведи две ночи пировали, объедались. Голод не тетка, видимо, они вер-нулись. Их всё-таки двое, и один из них – самка. Поэтому так себя вели. Никуда они и не уходили. Меня вычисляли с вечера и осторожничали. Так смогла бы только самка, самец бы не сдержался. Не отпугнул и пастух, только потому, что их двое. Если одного и ударило, он отскочил, а провод упал с кольев. Импульсы шли в землю. Второй прошёл уже сво-бодно. А когда начал жрать ульи, и ударенный подключился. Это моя версия...

Съели ещё 4 улья дотла и с 5-го забрали две расплодные рамки, раскрыли и опрокинули, так что семья погибла тоже, осталось только несколько целых рамок. Да, как описать та-кую картинку пчеловоду... Будто бы нож загнали под серд-це. Приходи, кума, любоваться... Пчёлы для меня – это всё, и любовь, и радость, и надежды. Но вот и горе... Вот и лю-

буйся, Петро, почти треть пасеки в разгроме. Валяются изломанные рамки, утепления, ульи, крышки, подкрышники, и по всему этому разбою ползают чёрные, ещё не до конца помершие пчёлы. Они везде – и на точке и пока на невспаханной земле, и на тропах косолапых, по которым, видимо, таскали рамки. Ползают, а взлететь уже не взлетят... Одно-го улья я так и не нашёл. В ближних кустах валялось три, а по пустым кольям – четвёртого нет. Да, горе горькое и отчаяние.

Да не горюй ты, Петро, отобьёмся, пасеку восстановим. Это твой путь, твой выбор. Рано ещё на покой, будем отбиваться сами. Ты же счастлив такой жизнью? Ну, вот и радуйся, отобьёмся, мы вдвоём с Людой, не дрейфь, гребни дальше...

А ведь был же случай в Наумово, бригада из 6 человек не могли отбиться от одного, бросили медосбор и вывезли остатки пасек. Да, я видел эту бригаду, у них и 4 собаки было, и пасека огорожена в 4 ряда колючей проволокой. Но и медовуха не переводилась. А бригаду Кириенки? Так её мы же и спасали, забыл, что ли? Я всё помню, я не они, не брошу. Есть ещё порох в нашей пороховнице, не надейся, отобьёмся. За место под солнцем всегда нужно бороться, а не плыть по течению...

Убрал я весь «разбой» с точка. После ещё посадил молодых медоносных деревьев недалеко от пасеки. По дороге в обочинах накопал, когда ехал. Пусть растут пчёлкам на ра-

дость, может, место и не опустеет, когда уйду к праотцам. День быстро прошёл, и я пораньше засел в кресле на настиле, чтобы ни скрипа и запах выветрился, он держится примерно 2 часа. Люду отправлял в домик, ночи ещё холодные. Но она не согласилась.

– Я буду рядом, хоть в палатке, не замерзну, а то и в спальник залезу.

Рано взошла луна, я всматривался в кусты под лесом, прямо против лунного света. Луна и меня освещает хорошо. Не шевелись, Петро, заметят, они явно уже всё осматривают, вынюхивают. Терплю, жду, злюсь, греюсь волей... Вот, примерно в 23 часа, от леса отделилась фигура медведя. Иди, я давно тебя поджидаю, я не смотрю тебе в глаза, почувствуешь, поганец, мою злобу. По кустам он идёт довольно быстро. Дошёл до границы огорода, посадок лука, моркови. Стоит недолго, уверен, всё тихо... Я стараюсь не смотреть, не сглазить. Идёт по огороду. Стал подходить к ограде. Во мне дрожь прошла, я унял её, хоть и сердце молотом стучит и адреналин давит. Я унял дрожь, справился с собой. Иди, Миша, ты не виноват, но твоё время вышло, смелее иди, не трусь. Смерть быструю тебе готовлю, это тебе не от голода. Он понял, видимо, приостановился и повернул вправо. Я включаю фонарик, но что так плохо видно? (Батарейки прошлогодние, зимовали в омшанике, что же ты хочешь от них?). Это луна тебе прямо в глаза, на ствол, да и свет плоховат. Я ещё выключаю фонарик и опять включаю – видно пло-

хо. Целься лучше, не убегает, может, и к лучшему такой свет. Выстрел! Хороший прицельный выстрел, Петро. Всё хорошо. Но убегал-то без шума, кусты не трещали, значит, владел собой... Вон, смотри, Петро, смотри, рядом яркая звезда, поднимается в небе к луне, её свету. Смотри, опять «чудо», давненько не виделись. Это его душа полетела ввысь. Не впервой – знать, сдохнет точно.

Люда с палатки:

– Попал хоть?

– Вроде попал.

– Тогда я вылезу.

– Да, вылазь, посмотреть на «чудо-звезду», поднимается к луне, посмотри...

Пока она вылазила и подходила, звезда поднялась на свет луны и её не стало видно.

– Ну, где?

– Да вон, уже в свете луны.

– Не вижу.

– И я сейчас не вижу.

– А далеко стрелял?

– Да, почти возле ограды, сразу за сентябринками, еле выцелил, да молчит и сторожко убегал, ни треска сучьев, ни шороха.

Мы ещё подождали немного и из леса услышали, как три раза пропел медведь свою прощальную песню. Последний раз так жалобно, будто ребёнок мамке жаловался.

– Ну всё, дошёл... – сказал я, – больше не придёт. Так что идём отогреваться, чайку попьем.

У меня ещё было волнение с приезда. Да и замёрз, голова не думала вовсе. И я глупо бросил пост. Ведь по следам вроде два ходило. Нужно было ждать второго... Попили чаю, поговорили. Были мысли: один, конечно, сожрать столько не мог (по 12—15 кг меда было в ульях, да и расплода килограмм по пять). Если их двое, то второй всё равно увидел убитого, слышал выстрел и вряд ли полезет в эту ночь к ульям – так успокаивал себя я. Меня всё ещё трясло, перевозбуждён, вряд ли усну. Давай вина выпьем, расслабимся. Растопили печку и спать. Тепло, и вино согрело, и я начал уже дремать...

Второй пришелец

Но вдруг со стороны пасеки начали долетать звуки ревущего медведя. Рёв необычный, душу рвал на части. И горе, и угрозы, и мощь, и сила, и вызов. Вызов на битву. Я вскочил и стал было собираться в кресло на настил. Да не я тебе устроил голодуху. А ты у меня пчёлами отъедаешься, так что сразимся за пчёл. Люда вмешалась – не ходи, не пушу, пусть будет что будет – утром посмотрим...

Мороз бегал по коже от таких звуков. Я подумал: возможно, раненый очнулся. Идти ему навстречу в темноте без ружья глупо, оно на настиле осталось. Пусть уж всё будет как есть до утра, и лёг в постель. Вскоре крики затихли. Сон или

забытьё всё-таки было. А кошмары снились, мозг воспалён был до утра... Да, воевать с голодными медведями трудно. Где же они перезимовали и выжили... сильна жизнь...

Утром рано я пошёл к пчёлам. Ещё издалека увидел, что один крайний улей, угловой от навеса Сергея, валяется раскидан. Я сходил за ружьём наверх на настил. Люда подошла.

– Видишь, ожил зверь, а пел прощальную...

Мы подошли к месту – ел рядом с ульем, похоже, не боялся, не утаскивал рамки в кусты. Но объедков было мало, всё утоптанно. Значит, всё-таки куда-то рамки ушли. После пошли смотреть, где стоял медведь во время выстрела. Да, попадание хорошее, кровь и стриженная шерсть... Мы пошли по следам крови. Протянули мы больше 100 метров. И вот он, лежит тот улей, что я не мог найти... Куча рамок и их обломки, съеденные. Всё утоптанно. Подранок бежал рядом. Пуля прошла навывлет, кровь облила и часть объедков. Ещё метров 15, и вот он лежит... Поза мёртвого, даже не развернулся на свой след. Было пробито сердце, жира не было, но и истощения полного тоже. Года четыре ему, не матёрый. Мы опять подошли к разбитому улью, к обломкам рамок.

– Смотри, похоже, тут сидел ещё медведь, всё поедал готовое, в грабеже, видимо, не участвовал. Значит прайд, семья. Видимо, это малой. А значит, ночью приходила мать. Вот она и орала, ей жалко было сына. Вот она и рвалась отомстить, защитит, вызывала на бой. В этот год у неё медвежат, видимо, не родилось с голода. А тут сидела прошлогод-

ка, и ей носили рамки и улей. Вот только зачем отгрызли в улье сантиметров 10 стенки – не ясно, набить желудок кедровой доской?

День пролетел за работой быстро. Ставили корпуса, расширяли. В ульях уже по 5—8 рамок расплода. Жалко пчёл и медведей тоже жаль. Но где выход? Вечером я опять на пост, Люда рядом в палатку. В самые сумерки тихо вышла большая луна и осветила поляну (точек) пчёл, свет луны мне в глаза. Всё тело затекло без движения. Я мельком посмотрел на часы – 23.30. Да вон и медведь, отделился от леса. Крупный, матёрый, быстрее всего, это и есть мать – хозяйка прайда. Но уж очень крупная. Сторожко идёт. Подошла под яблоню и остановилась, почуяв неладное или мои глаза. Стреляй, Петро, может уйти, чувствует, нервничает. Опять будет непонятно как, не твоё время... Я включаю фонарик, фонарик опять не освещает, плохо видно, но огоньки глаз засветились, и она повернула голову от света вправо. И всё-таки, видимо, она решила убежать, но неспешно, с достоинством. В ней чувствовались мощь и сила. Она тихонько повернула вправо и сделала пару крадущихся медленных шагов. Тут пуля и ударила её по месту, к сердцу посылал её я. Она вскрикнула от удара, неожиданности и мощи. Но устояла, резко развернулась к лесу, ещё раз прокричала с угрозой. Мол, где ты, не вышел, а так больно. После рванула к лесу. И всего раза два ломала кусты и тихо, пошла тихо, не падала... Крепка, видимо, пуля не вышла и точно в сердце не попал.

Но пуля в ней точно, свалит далеко, а может, и свалилась, что тихо так...

Утром мы пошли смотреть. Пуля всё же прошла навывлет. Пошли по следам и крови. Смотри, пробежала опять мимо тех ломаных рамок, хорошо их полила кровью... Прошли мы ещё метров 150, она не падала, не ложилась – шла уверенно. Кровь потекла тише, только на некоторых лозинах и кустах её можно было заметить. Люда идёт беспечно, без ружья, забегает вперёд. Я не струсил, а просто решил: идти так за подранком глупо. Похоже, пуля сердце не задела, может, ещё жить несколько дней, на раненую выйдем, и зачем судьбу лишний раз испытывать. Пусть идёт с богом подальше... Бросили следить. Ещё пару дней мы прожили на пасеке, тихо, спокойно... Похоже, отбились, больше никто не придёт. Если и был третий, то малышка, и она вряд ли пойдёт сама, потянулась за матерью. Да, сильно поредела пасека, пустые колья без ульев скорбно напоминали о разгроме. Вот тебе радость и надежды, что пчёлы хорошо перезимовали. 10 ульев под ноль, порядка 8 изувеченных, и рамок больше сотни.



Машка

Мы выехали домой. Жизнь потекла по старому руслу. Но 8 июня я с Людой и внуком Женей заехали на пасеку. Пошли с Женей на речку поймать рыбы на уху. И вижу следы медведя в протоке. Небольшой, но один, и не медвежонок. Догадка осенила меня. Это та малышка, которой рамки таскали. Вечером я сходил к первому закопанному медведю. Да, похоже. Она раскопала брата и ела. Каннибализм, выходит. Мамку, видимо, съела вместе с воронами, а сейчас и к брату

вернулась, ведь был закопан. Другой бы раньше к пчёлам полез, чем к мясу. Может, и какой другой, но теперь рано или поздно полезет и к пчелам. Троп наделала много к ограде. И всё по тем старым, заросшим травой. Ну что, Петро, отбил-ся – жди гостя, скоро выйдет за пчёлами. Не расслабляйся. Но когда она выйдет? Что же, мне каждую ночь дежурить, а когда отдыхать? Пусть уж осмелеет, почувствует безнака-занность, тогда и будем охранять. А сколько ульев испортит? Да малышка, много не сожрёт...

Но на всякий случай я принёс ружьё на настил и прила-дил к нему фонарь. И долго ждать не пришлось. Через две ночи под утро я услышал падение улья сквозь сон. Мы спа-ли в палатке. Пчёлы уже были в двух корпусах. Медведь за-валил третий улей, когда я услышал. Он по-хозяйски доста-вал всего по одной лучшей рамке и спокойно тут же и ел. Я выскочил из палатки в одних трусах, схватил ружьё и вклю-чил фонарик. Всё так. Лежат три улья разваленных и рядом медведь, не приснилось. Небольшой, но и не совсем малыш. И жрёт рамку, и не убегает, вот только прячет глаза за улей, стыдно, значит. На меня туча комаров налетела, ждали на входе в палатку, мандраж спросонья и от неожиданности. Плохо его видать, и туман. Всё не убойные места, прячется, переступает, нервничает от света фонарика, а рамку не бро-сает. Так прошла, может, минута-три. Я отводил свет, после опять наводил, он перемещался и опять прятался за пова-ленным ульем. Наконец он доел рамку, резко отделился от

улья и быстро пошёл к лесу. Я стрельнул, прицел был вроде точно по лопатке. Я же ждал этого момента.

Промах, Петро, промах, мушка была утоплена. Да, я понял, сплеховал, не успел... Так уж вышло. Видимо, ему не время умереть.

Утром, ещё с подхода к месту выстрела, была видна борозда по земле от пули. С полметра пуля чертила дёрн земли и ушла в землю. Да, занизил. Вот тебе и на, опять пасеку не брось, Петро, напасть какая-то всю весну... Я опять вечер дежурил. Боится выходить – трус, он не больше хорошего пса, ещё бы год ему мать рамки носила. Да, тоже деваться некуда. В тайге пусто, до осени на траве не зажиреть, белок – только муравьиные яйца. А мёд ему будет сниться и не давать покоя.

Я опять дежурю. Луна яркая, облаков много и чёрные, дождевые. Такая сказочная игра лунного света и теней, то по точку, ульям, то в кустах, то среди деревьев. Необычная картина ночи. И ветерок тянет. С вечера дождик пролил минут 10. И как он подошёл к последнему улью, что ел, я и не заметил. Но всё-таки показался какой-то сгусток темени. Решаю проверить, включаю фонарик на ружье. Да, медведь, вона глазёнки блестят, смотрят прямо на меня. Я опять не уточнил прицел, поторопился, выстрелил между них, чуток ниже. Но голова была вытянута вперёд, и пуля ушла под зверя, не вырвала и шерстинки. Опять своё сделала неожиданность, и тут же сразу сердцебиение, и спешка... Но свет фо-

нарика, пламя и гром со ствола она, наверное, запомнит надолго. Теперь она знает, где я сижу, и будет контролировать каждое моё дыхание. Да, не нужно было стрелять, Петро, кто тебя торопил? Теперь игра затянется, всё усложнится.

И опять дежури́м. Теперь уже спокойней и рассудительнее – главное, никогда не торопись, Петро... Луна с 23 и до часу, без облаков. Утонула на западе в деревья, и опять игра света и теней в кустах. Медведь не выходит, и туман потянуло с речки. Мне всё казалось, то в одном месте сгусток тени, то в другом, и вроде движется, то растает, и всё это до четырёх часов (мерещилось).

«Может, и медведь – ну и пусть, пусть подойдёт поближе, не свети. Туда стрелять далеко, а может, ты дремлешь на посту? И во сне мерещится. Да, пойдём спать, уже не придёт, свет стал добавляться. Утром проверим».

Уже днём я осматривал «тени». Да, медведь всё-таки был, следы чёткие, пытался подойти. Меня лучше видел, чем я его. Нужно менять место – с лабаза нужно караулить...

Днём я с Женей отремонтировал лабаз на бересте. Он уже хорошо подгнил.

Ночью я уже дежурю на лабазе. Луна опять переменная, пролетают дождевые облака. Днём были кратковременные дожди, ночью тени бродят по краю леса, по точку. Но я терплю, жду, успокаиваю себя. Пусть, когда-нибудь и мне повезёт. Удача, говорят, копится. Терплю до 1.30, после луна спряталась за деревья. Но трус не выходит. Видимо, и там

меня заметил. Пасёт, не бросает, приходит и пасёт меня, а я пытаюсь увидеть его.

Игра затянулась, я уже измотан, продукты кончаются, нужно ехать домой. Но сколько ещё потеряю ульев к медосбору? Большие потери с весны тянутся. Конец у верёвочки один. И он должен быть закончен. Я ещё две ночи коротаю, но уже до часу ночи. Спать ложусь одетым. Сплю, а уши караулят шорохи. Но напрасно, тщетно... Он, кажется, понял безнадежность быть незамеченным – или жимолость созрела, или у них свадьбы начались, бросил на время. И мы выезжаем домой...

Заехал только 18-го, с Чуровым, раньше не получалось. Дома руки опускались. Но ульи все стояли на местах. И провод был не сбит с кольев. Да, это опять похоже на самку, или загуляла и ушла от пасеки. Гон у них начался, а может, на болота пошла.. Ну и ладно, мне ком от сердца отвалился. Вот только история с ней продолжится, ещё будут серьёзные потери и волнения. Теперь она опытна, обстреляна. Но будем ожидать, у меня терпения и упорства хватит, да и деваться мне некуда...

Пошёл медосбор – июль

Мы были на пасеке с Людой. 8 июля спали в палатке. Я спал беспечно, ничего не слышал, всё вроде тихо. Но утром смотрю: съеден один улей – тихонько пакостила, сторожка... Ну и ладно, хоть один, могла и два. Да куда ей два, в ульях уже полно мёда? Знать, нагулялась и пришла, погостить и

медку поесть.

Ночь моя, дежурю. Идут кратковременные дожди, темень хоть глаза выкалывай. А она не появляется. Может, заболела от обжорства, столько мёда, расплода и воска сожрать – Петро? Теперь валяется в кустах, воск с живота слизывает, отсыпается, а мы караулим.

Следующая ночь – тоже моя. Опять темень. Сижу не шелохнувшись, последний шанс. На следующую ночь хочешь не хочешь уходить на выезд. Договорились, будет ожидать Илья на Чёртовом ключе. Своя машина сломана. Ну и тварь же ты, Машка! Опять не пришла, досадно. Да ладно, более одного улья тебе не съесть за следующую ночь. А там и я опять приеду – за всё заплатишь сполна. Но заехать смогли через ночь. Две ночки нервов дома. Но она, видимо, обожралась всерьёз, болела и не приходила. Я уже устал и морально, и физически, нужно выспаться как следует... На ночь включил пастуха и лёг спать пораньше. Ночью страшный вскрик и рёв потряс всю пасеку. Я спал, а Люда услышала.

Утром пошёл осматривать провод ограды. Вот она ткнулась в колючую проволоку – и пастух сработал. Она гребанула землю из-под себя и огромными прыжками бежала к лесу по огороду. Пастух «подлечил», так лететь. Но надолго ли?

На пасеку пришел Чуров. Оставляем его, а сами едем домой. Включай на ночь пастуха и спи спокойно – наказали ему.

Заехали только 16-го. До конца июля она и не напоми-

нала о себе – думала, мёд-то сладок, но кто-то больно кусает за него. 13 августа она ночью паслась возле пасеки, ограды, проволоки. Выкопала пару гнёзд ос. Раскапывала муравейники в сентябринках. Подходила к поилке пчёл (корыту). Опрокинула и его. Убегала по медунице большими прыжками, испугалась падения корыта с водой. По огороду, его уже выкопали, целую тропу набила к проволоке, но перейти (рубикон, ограду) не решилась.

В июле—августе было наводнение в Приморье. Накрыл тайфун Лайонрок. А сейчас без леса – это уже беда. Вода с сопок не по ключикам, а по волокам слетает без задержек. Затопило 2500 домов. Такого наводнения не было давно. Поплыло и Вострецово. Посносило много мостов и поразмыло много километров дорог. Но это уже убытки государства, а не лесорубов.

6 сентября мы ездили в Вострецово к сыну Илье. Помогали спасти что ещё уцелело в огороде. Вода у них уже немного упала, подходила под самый фундамент, не дошла до лаг пола 2 см. Но дожди опять заладили, так что рано радоваться. У Сергея в посёлке Уборка уцелело три дома на бугре. И его в том числе. Остальная деревня поплыла, до крыши. 7-го радио сообщило, уже больше 3000 домов затоплено. 8-го идёт второй вал на Вострецово. На пасеке Наумовка тоже вышла из берегов. Такое мне не приходилось видеть с 1993 года, как поставил пасеку. Вода бежала по пойме валом, сносило валежник, листву, труху и прочее.

У Ильи дом подтопило до самых окон. Начальник Приморского метео объяснил наводнение по-своему: осадков выпало три нормы потому, что тайфун встретился с циклоном над горами Сихотэ-Алиня. Не правда ли, хорошее объяснение?

Машка или утонула, или ушла в орехово-промысловую зону, копить жир и зимовать в мамкином дупле. В целом, холодная весна, дождливое лето, наводнение, неурожай в тайге – и кабаны, и медведи сорвались с насиженных мест и пошли бродить в поисках белкового корма, где можно набрать жира на зиму.

20 октября ночью протрусил снежок. Мы с Ильёй заезжали на пасеку. По дороге увидели переходы медведей, разной величины отпечатки лап. Пять штук перешло примерно на 7 километрах, не доезжая пасеки. Два прошло возле самой пасеки. Видимо, запеленговали в своём мозгу, где она стоит. Если откормятся и выживут могут прийти. Так что, Петро, жизнь продолжается, крепись сам и готовься к худшему, чтобы не охать и не ахать потом. Тайгу будут продолжать рубить. Это многим прибыльно и ресурс, так сказать, возобновляемый. Так что чего тебе переживать, болеть да горевать? Лет через 200 всё вырастет по новой. И разведутся и медведи, и другие новые лесные обитатели. А пока их должно выживать столько, сколько может прокормить исчезающая тайга.

Два охотника мне жаловались, опять много шатунов по тайге бродило зимой. Приманку на соболя съедали возле

капканов, не успевали подкладывать.

Но следующий мой сезон прошёл спокойно, медведей не было. И следов почти и не видел по всему подъезду дороги за всё лето. Видимо, не перезимовали, ни те два, что шли в верховья мимо пасеки, ни Машка. Мне легче, но горько на душе... Пасека и работа с пчёлами радует, а эта война с медведями и природными стихиями забирает много сил, хотя и приносит в жизнь отблеск приключений.

Для подготовки обложки издания, и в тексте использованы фотографии автора П.Пономар